Y 40 1256

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА
Каждый Выпускъ 10 коп.

НАРОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ
ВЪ РОССІИ

II

В. А. НИКОЛЬСКІЙ

РАЗИНОВЩИНА

Изданіе
Акц. Общ. Типограф.
Дѣла въ С.Петербургѣ
Складъ: 7рота, 26.

№ 38 Цѣна 10 коп.

2а
3053

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА.

Подъ такимъ названіемъ Акціонерное Общество Типографск. Дѣла въ СПб. издаетъ, по образцу извѣстной нѣмецкой „Universal-Bibliotek“, рядъ выдающихся произведеній писателей русской и западно-европейской литературы, начиная съ классиковъ. Во „Всеобщую Библіотеку“ входятъ также труды въ области исторіи и науки и изданія справочнаго характера.

Задача „Всеобщей Библіотеки“ дать возможность русскому читателю за скромную плату получить: литературныя произведенія въ строго провѣренной редакціи ихъ текстовъ или въ хорошихъ переводахъ, сочиненія выдающихся мыслителей и ученыхъ во всѣхъ областяхъ знанія, а также книги широкаго практическаго значенія.

Каждый выпускъ „Всеобщей Библіотеки“ (въ 80—100 страницъ) стоитъ 10 копѣекъ. Болѣе обширные труды издаются въ двойныхъ (20 коп.) или въ тройныхъ (30 коп.) выпускахъ.

Печатаются и приготовляются къ печати слѣдующіе томики „Всеобщей Библіотеки“.

Вик. Аловъ. — **Протопопъ Аввакумъ,** его жизнь и дѣятельность. Біографич. очеркъ съ иллюстраціями.

Р. Базенъ. — **Возрождающаяся земля.** Романъ.

Байронъ. — **Избранныя стихотворенія,** съ портретомъ.

Р. Вагнеръ. — **„Кольцо Нибелунговъ“** (краткія либретто).

Вальтеръ Скоттъ. — **Айвенго.** Историческій романъ.

Э. Верхарнъ. — **Рембрандтъ,** его жизнь и дѣятельность. Съ иллюстраціями.

В. Гете. — **Избранныя стихотворенія,** съ портретомъ.

Проф. К. Гильти. — **Счастье.** Этическіе очерки.

Н. Гоголь. — Ревизоръ.

Н. В. Гоголь, его жизнь и дѣятельность (къ столѣтію со дня рожденія).

Деличъ. — **Библія и Вавилонъ.**

В. Джекобсъ. — **Искатели клада.**

32552
90

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА.
№ 38.

240
1256

НАРОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ РОССІИ

СЕМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

В. А. НИКОЛЬСКІЙ.

СТЕНЬКА РАЗИНЪ
И
РАЗИНОВЩИНА.

Съ двумя картами.

Изданіе Акц. О-ва Типографскаго Дѣла въ СПб.
7 рота, № 26.

168884 R

Типографія Акц. Общ. Типогр. Дѣла въ СПб. „Герольдъ“.
7-ая рота, д. 26.

Государ. публичная
Историческая
библиотека РСФСР.
№ 25799

I.

Начало „Разиновщины".

1667—1669.

Русскія народныя движенія XVII вѣка начались болѣе или менѣе организованными массовыми выступленіями Смутнаго времени, смѣнившимися къ исходу первой половины вѣка рядомъ движеній не-организованныхъ: бунтовъ безъ предводителей, такъ-называемою «Морозовщиной» («Всеобщая библіотека», № 7). Отъ временъ Лжедимитрія и до Стеньки Разина, русская дѣйствительность не выдвигаетъ, не создаетъ людей, способныхъ организовать движеніе во имя защиты народныхъ правъ.

Но мысль о возможности подобнаго возстанія, безъ сомнѣнія, продолжала существовать въ народныхъ массахъ. Въ Смутное время русскіе крестьяне пережили уже два такихъ возстанія, хотя ни одно не успѣло развиться въ достаточной мѣрѣ и они замерли въ первоначальной своей стадіи — смѣлыхъ грабежей. Разбойничій атаманъ Смутнаго времени, Хлопко Косолапъ, съ такою дерзостью шедшій на Москву, сулился вывести не только «богатыхъ и сильныхъ», но и самаго царя, какъ незаконно завладѣвшаго престоломъ. Не только выполнить эту программу, но даже и приступить къ ея осуществленію Косолапу, однако, не удалось — движеніе было задушено въ самомъ началѣ. Съ тою-же программой выступилъ и другой предводитель эпохи — умный и бывалый человѣкъ, своего рода неудавшійся Стенька Разинъ, — Ивашка Болотниковъ, добившійся бо́льшихъ успѣховъ, чѣмъ Косолапъ, но все-же не смогшій довести дѣло до конца.

Болотниковъ, прежде всего, не былъ такъ самостоятеленъ, какъ Хлопка Косолапъ: онъ являлся воеводою второго Лжедимитрія и, связанный интересами своего патрона, могъ «выводить» лишь тѣхъ «богатыхъ и сильныхъ», которые не хотѣли признавать Лжедимитрія. Это обстоятельство значительно суживало сферу его дѣйствій, лишало движеніе той ширины анархическаго розмаха, которая была такъ люба изстрадавшемуся народному сердцу.

Новое движеніе, возстаніе Стеньки Разина, отъ котораго «весь міръ закачался», по словамъ современниковъ, — ничѣмъ не было связано, началось въ болѣе удобное время и приняло болѣе широкіе размѣры, пріобрѣло бо́льшую яркость и значеніе въ исторіи политическихъ движеній русскаго народа и его психологіи.

Характеристикѣ этого движенія и посвящается настоящій очеркъ.

Народныя движенія конца первой половины XVII вѣка, которыя мы называемъ «Морозовщиной», зарождались и протекали главнымъ образомъ въ городахъ, среди городского населенія, до извѣстной степени дисциплинированнаго уже, болѣе или менѣе привыкшаго къ порядкамъ московской приказной администраціи. Принимавшіе участіе въ этихъ движеніяхъ соціальные элементы въ массѣ принадлежали къ трудовому городскому населенію, связанному экономически съ другими городскими классами, до извѣстной степени осѣдлому, подчасъ даже обремененному семьей. Легко вспыхивая, эти возстанія сравнительно легко и гасли, не требуя массовыхъ экзекуцій (кромѣ Мѣднаго бунта). Возстанія почти не распространялись въ «уѣзды» — за предѣлы городскихъ поселеній, почти не отзывались среди сидѣвшаго на землѣ сельскаго населенія. Такова была отличительная черта народныхъ движеній «Морозовщины».

Возстаніе Разина зародилось среди совершенно иной обстановки и при другихъ условіяхъ. Ядро «ра-

зиновщины» состояло изъ людей, которые вообще не могли ужиться съ существующимъ строемъ жизни въ Московской Руси, которые «выбѣгали» изъ ея предѣловъ съ тѣмъ, чтобы не возвращаться уже въ «первобытное состояніе», изъ людей, самымъ фактомъ бѣгства, отрѣзавшихъ для себя возможность примиренія съ существующими въ государствѣ порядками. Этимъ людямъ терять было нечего и тѣмъ отчаяннѣе боролись они за существованіе, тѣмъ смѣлѣе ставили цѣли. Городское трудовое населеніе, преобладавшее въ возстаніяхъ «Морозовщины», составляло сравнительно небольшую долю въ той массѣ сельскаго населенія, которая приняла участіе въ «Разиновщинѣ», наряду съ представителями другихъ общественныхъ классовъ, не исключая даже духовенства.

«Разиновщина» зародилась внѣ приказной Руси — среди вольнаго донскаго казачества, въ той средѣ, гдѣ личное удальство цѣнилось всего больше, гдѣ по крайней мѣрѣ, въ идеалѣ «всякъ всякому былъ равенъ».

Недаромъ пріѣзжавшимъ въ Москву съ Дона казакамъ оказывались тѣ-же почести, «какъ чужеземнымъ царочитымъ людямъ», какъ посламъ иноземныхъ государствъ. Донское войско дѣйствительно являлось какъ-бы государствомъ въ государствѣ. «И дана имъ (казакамъ) на Дону жить воля своя, и начальныхъ людей межъ себя атамановъ и иныхъ избираютъ, и судятся во всякихъ дѣлахъ по своей волѣ, а не по царскому указу», говоритъ Котошихинъ. И эти казачьи права уважались московскимъ правительствомъ до такой степени, что, напримѣръ, казаку, совершившему преступленіе во время своего пребыванія въ Москвѣ — «царскаго наказанія и казней не бываетъ, а чинятъ они (казаки) межъ собою самп-жъ».

И эта-то единственная въ Московской Руси первой половины XVII в. область, гдѣ «жили по своей волѣ», издавна служила мѣстомъ, куда могли укрываться бѣглецы изъ самой Россіи. Донскіе казаки

были «породою» — и «москвичи и иныхъ городовъ, и повокрещеные татары, и запорожскіе казаки, и поляки, и ляхи». Но въ этой этнографически пестрой массѣ очень многіе были прежде холопами и крестьянами московскихъ бояръ и торговыхъ людей. Преступники, приговоренные къ наказанію за разбои и грабежи «уходятъ на Донъ», потому что если-бы они даже одну недѣлю или мѣсяцъ пробыли тамъ — московская администрація не можетъ ихъ взять обратно для исполненія надъ ними приговора: «потому что Дономъ отъ всякихъ бѣдъ свобождаются».

Вслѣдствіе этого на Дону былъ какъ-бы постоянный манометръ русской жизни: цифра прибывающихъ туда бѣглецовъ показывала усиливающееся давленіе на низы, ухудшеніе условій народной жизни въ Московскомъ государствѣ. Въ пятидесятыхъ годахъ XVII вѣка это «давленіе» стало очень замѣтно усиливаться подъ вліяніемъ различныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ и, слѣдовательно, населеніе на Дону увеличивалось, скоплялись «безпокойные люди» и недовольные элементы. Несчастныя войны съ Польшей еще болѣе увеличили этотъ потокъ: на Дону появились гости не только изъ Великороссіи, но и изъ Украйны.

Изъ этихъ-то крайне пестрыхъ этнографическихъ элементовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ «донскихъ казаковъ», и сложилось ядро «Разиновщины», къ которому вскорѣ потянулись не казаки уже, а вообще всѣ обиженные Москвою, недовольные или просто искавшіе выхода для своей буйной энергіи.

Скопленіе народа на Дону повело къ тому, что казаки стали принимать въ свою среду не всѣхъ уже, какъ водилось прежде, а съ особымъ разборомъ — по приговору казачьяго круга. Правда, донцы не гнали приходившихъ къ нимъ даже и въ томъ случаѣ, если не принимали ихъ въ среду полноправныхъ казаковъ: всякій прибывшій на Донъ могъ жить тамъ въ качествѣ рабочаго, бурлака. Такимъ образомъ, во второй половинѣ XVII в. на Дону стала образовываться новая

группа населенія — свободная, но сравнительно безправная, какъ-бы обиженная или обижаемая полноправными казаками. Изъ этого-то недовольнаго элемента и сформировались первыя полчища Разина.

Особыя обстоятельства способствовали началу «Разиновщины». Дѣло въ томъ, что далеко не всѣ донцы могли «сами на себя» промыслить пропитаніе, и подчасъ сильно нуждались въ томъ «государевомъ жалованьи», которымъ Москва, хотя и «негораздо помногу», оплачивала ихъ услуги. Достаточно сказать, что въ XVII в. сельскаго хозяйства на Дону не существовало и казаки жили частью покупнымъ, а частью жалованнымъ отъ государя хлѣбомъ, посылавшимся имъ изъ Казани и Астрахани.

Стало на Дону тѣснѣе — значитъ, стало и голоднѣе. Необходимость «промышлять» себѣ пропитаніе почувствовалась острѣе. «Промыслы» донцовъ были извѣстны: разбойничество, «добываніе зипуновъ» въ Персіи, въ Турціи, куда удастся добраться. И эти разбои не замедлили появиться въ качествѣ неизбѣжнаго спутника голодовокъ, но на этотъ разъ уже не внѣ предѣловъ Московскаго государства, а внутри его. Въ 1659 г. почти подъ самымъ Царицынымъ, на Волгѣ, появились «донскіе грабельщики», совершавшіе нападенія на торговые караваны. «Воровское» сборище поставило себѣ даже городокъ на рѣкѣ Иловлѣ подъ громкимъ названіемъ «Рига». Съ этими «рижанами» довольно скоро управились, впрочемъ. По царскому указу, степенные донскіе казаки разгромили «Ригу», а главныхъ заводчиковъ казнили, чтобы и другимъ не повадно было разбойничать и тѣмъ на весь тихій Донъ «напрасное оглашенство наводить». Но эта расправа, разумѣется, не могла остановить разбойничества.

Вскорѣ положеніе дѣлъ на Дону еще болѣе осложнилось. Турки и татары заперли казакамъ выходъ въ Азовское море: они выстроили подъ Азовомъ каменныя башни и перегородили Донъ цѣпями. Казаки

пытались выходить въ море по Донцу или переволакиваться, но вскорѣ и это оказалось невозможнымъ. Не могъ облегчить казачью участь и семи-тысячный отрядъ московскаго войска, явившійся къ Азову слишкомъ поздно. Напротивъ, казаки жаловались даже, что «какъ стало на Дону войско быть, — такого утѣсненья намъ никогда не бывало, для промысловъ ходить никуда нельзя».

Разъ Донъ былъ запертъ у устья — оставался одинъ выходъ: на Волгу и казачьи ватаги, прежде спускавшіяся по Дону, «пошарпать» турецкіе берега, теперь стали подниматься вверхъ — къ матушкѣ-Волгѣ. Наружная болѣзнь обратилась во внутреннюю. Между тѣмъ «тѣснота» на Дону все возрастала.

За годъ до появленія Стеньки показался первый ростокъ грядущей бѣды: донской удалецъ Васька Усъ собралъ шайку въ пятьсотъ человѣкъ и разбойничалъ уже не на Волгѣ, а въ воронежскихъ и тульскихъ краяхъ. Да и разбои его были уже не простымъ своевольствомъ удальцовъ: Усъ пытался поднять крестьянъ на помѣщиковъ, организовать возстаніе. Эта затѣя не удалась, однако: Усъ былъ пойманъ и, какъ писали въ Москву казаки, жестоко наказанъ, хотя черезъ годъ онъ явился вновь, уже въ качествѣ подручнаго, у человѣка болѣе выдающихся способностей.

Насталъ 1667 годъ, а съ нимъ и «голодъ большой» на Дону, о чемъ прекрасно знали въ Москвѣ. Знали даже, что «многіе казаки» на Дону собираются «идти воровать на Волгу, взять Царицынъ и засѣсть тамъ», предписывали астраханской администраціи жить «съ великимъ береженіемъ». Но болѣе радикальныхъ мѣръ принято не было. Почему-то, быть можетъ — за отсутствіемъ денегъ — не рѣшились даже въ виду экстренныхъ обстоятельствъ, увеличить хотя-бы «хлѣбенное» жалованье донцамъ, что могло-бы хоть отчасти ослабить стремленіе къ грабежу у голодныхъ казаковъ.

Во главѣ зарождавшагося движенія сталъ пожилой уже казакъ Степанъ Тимоѳеевичъ Разинъ. Видѣв-

ній Разина въ Астрахани иностранецъ Стрюйсъ такъ описываетъ Стеньку: «Видъ его величественный, осанка благородная, а выраженіе лица гордое; росту высокаго, лицо рябоватое. Онъ обладалъ способностью внушать страхъ и вмѣстѣ любовь». Историческіе памятники сохранили очень скудныя свѣдѣнія о его біографіи. Извѣстно, что въ 1661 г. онъ, по порученію донскихъ казаковъ, былъ въ «посылкѣ» къ калмыкамъ и уговаривалъ ихъ послужить московскому царю противъ крымцевъ въ союзѣ съ донцами. Это указываетъ, что Разинъ не былъ рядовымъ казакомъ, а выдѣлялся изъ общей сѣрой массы, казался казачьему кругу человѣкомъ способнымъ выполнять дипломатическія порученія. Вернувшись отъ калмыковъ, Разинъ, черезъ Москву, ходилъ на богомолье въ Соловки, а затѣмъ его имя на страницахъ исторіи выступаетъ лишь черезъ шесть лѣтъ — въ роковомъ 1667 году. Пробылъ-ли онъ всѣ эти годы на богомольи — неизвѣстно, но любопытно отмѣтить, что въ Соловкахъ было въ это время неспокойно: раздавались протесты противъ никоновскаго исправленія церковныхъ книгъ, назрѣвалъ знаменитый соловецкій бунтъ, вспыхнувшій въ 1668 году.

Вернулся Разинъ на тихій Донъ и почему-то отдѣлился отъ «степенныхъ», преданныхъ Москвѣ и зажиточныхъ казаковъ, какъ поетъ о немъ пѣсня:

Во казачій кругъ Степанушка не хаживалъ.
Онъ съ нами, казаками, думу не думывалъ;
Ходилъ-гулялъ Степанушка во царевъ кабакъ;
Онъ думалъ крѣпку-думушку съ голытьбою!

Трудно угадать, почему именно Разинъ, раньше бывшій на такомъ хорошемъ счету у степенпаго казачества, теперь переродился — пересталъ ходить въ казачій кругъ и засѣлъ въ «царевомъ кабакѣ». Неизвѣстный англичанинъ-современникъ, въ своемъ «Извѣстіи о бунтѣ Стеньки Разина», напечатанномъ въ Анг-

лiи въ 1672 г., разсказываетъ, что на пыткѣ Разинъ выставилъ «предлогомъ» къ бунту месть за своего брата. Дѣло было такъ: въ 1665 г. въ дѣйствовавшемъ противъ поляковъ войскѣ князя Юрія Долгорукаго былъ отрядъ донцовъ, подъ начальствомъ Разина, брата Стеньки. Осенью донцы хотѣли уйти домой, но Долгорукій не пустилъ ихъ. Тогда казаки ушли самовольно, «поддавшись убѣжденіямъ и примѣру ихъ атамана». Разинъ былъ пойманъ и повѣшенъ по приказу Долгорукаго. Возможно, что Стенька былъ въ этомъ отрядѣ и, такимъ образомъ, явился свидѣтелемъ казни брата. Однако, самъ-же англичанинъ указываетъ, что эта месть за брата была лишь «пустымъ предлогомъ».

Не вдаваясь въ область построеній и догадокъ о психологическомъ настроеніи Разина въ эту пору его жизни, остановимся на простѣйшей изъ возможныхъ причинъ — нуждѣ. Нечего ѣсть, не во что одѣться— развѣ это не достаточная причина для отправленія на «промыслы за зипунами?» Картины нужды, какую испытывала скопившаяся на Дону голытьба, могли только еще болѣе обострить эту естественную причину.

Первые шаги Разина какъ-бы подтверждаютъ сравнительную несложность побудительныхъ поводовъ къ дѣйствіямъ. Разинъ рѣшаетъ идти старымъ донскимъ путемъ и приглашаетъ «сударей, голь кабацкую», отправиться «гулять» на синее море, т. е. обратиться въ пиратовъ — разбивать «бусурмански корабли» и такимъ путемъ добыть себѣ «казны сколько надобно». Такъ всегда и дѣлали донцы; это была ихъ обычная «прогулка», отъ которой Разину пришлось, однако, отказаться по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Атаманъ донцовъ—крестный отецъ Стеньки— Корнило Яковлевъ не пустилъ «воровское собраніе» идти на море: это было-бы нарушеніемъ мирнаго договора съ азовцами. И только послѣ этого, убѣдившись въ невозможности грабить турецкія земли, Разинъ вышелъ на Волгу, не оставляя мысли о грабежѣ

въ иновѣрныхъ земляхъ, которую онъ вскорѣ и привелъ въ исполненіе.

Такъ просто, естественно, въ рамкахъ обычной казачьей психологіи, зародилась и создалась «Разиновщина».

Не допущенные внизъ, «воры» поплыли вверхъ. Воронежскіе посадскіе люди ссудили «воровъ» порохомъ и свинцомъ и на насиженномъ Ваською Усомъ мѣстѣ, близъ Паншина городка, выросъ новый разбойничій городокъ. Стенька велѣлъ, однако, атаману Паншина городка предупредить царицынскаго воеводу, чтобы онъ не трудился высылать противъ разиновцевъ ратныхъ людей, подъ угрозою сожженія Царицына, и говорилъ, что пойдетъ на Яикъ, а оттуда въ набѣгъ на «тарковскаго шамхала Суркая». Эти планы Разина находились, вѣроятно, въ связи съ полученнымъ имъ письмомъ яицкаго казака Ѳедьки Сукнина, приглашавшаго Разина взять Яицкій городокъ «большими людьми» и засѣсть въ немъ, выходя для «воровства» на море (Каспійское) и на Волгу.

Пока Разинъ стоялъ около Паншина городка, забравъ оттуда «насильствомъ» военные припасы, число его приверженцевъ безпрерывно увеличивалось, потому что, какъ говорилъ атаманъ Паншина городка, «изъ донскихъ казачьихъ городковъ къ тѣмъ воровскимъ казакамъ тайнымъ обычаемъ многіе люди уходятъ безпрестанно». Свѣдѣній о численности «воровъ» властямъ получить, однако, не удалось: они стояли «на буграхъ» и вслѣдствіе большой воды къ нимъ «доѣхать было не мочно». Не добрались до нихъ и посланные изъ Царицына «увѣщеватели» — священникъ и монахъ.

Во второй половинѣ мая 1667 года «воры» вышли по «матушкѣ Камышинкѣ рѣкѣ» на Волгу и разграбили направлявшійся въ Астрахань большой караванъ. Здѣсь былъ подъ охраною стрѣльцовъ цѣлый стругъ ссыльныхъ, государевъ хлѣбъ, струги патріарха и купцовъ, въ томъ числѣ извѣстнаго по «мѣд-

ному бунту» гостя Василія Шорина. Хлѣбъ былъ потопленъ. Начальные люди и хозяева частныхъ струговъ повѣшены, иные даже подверглись пыткамъ. Легкіе струги «воры» взяли себѣ. Ссыльныхъ расковали и освободили; имъ, какъ и судорабочимъ, «дали волю, кто куда хочетъ» и «пошло въ казаки работныхъ людей человѣкъ со сто» съ патріаршаго насада, да съ насада купца Шорина — 60 человѣкъ, а освобожденные ссыльные стали мучить и грабить «пуще прямыхъ донскихъ казаковъ».

Уже въ этомъ первомъ «дѣлѣ» обнаружились тѣ черты характера Разина, которыя въ особенности привлекали къ нему народныя симпатіи. Привыкшему унижаться и гнуть спину предъ сильными міра сего простолюдину особое удовольствіе доставляло издѣвательство надъ безсильнымъ теперь недругомъ. Сопровождавшій ссыльныхъ «начальный человѣкъ» Кузьма Керейтовъ былъ ограбленъ до-нага и въ такомъ видѣ высаженъ на берегъ съ нетронутою государевой казной...

Послѣ этого разгрома шансы Стеньки разомъ возросли и онъ съ тысячью человѣкъ «воровъ» и есауломъ Ивашкой Черноярцемъ двинулся внизъ по Волгѣ. Уже не одни «волжскіе ярыжки» (рабочіе) стали приставать къ его шайкѣ, а даже представители высшихъ общественныхъ классовъ: патріаршій боярскій сынъ Лазунко Жидовинъ, плывшій съ караваномъ, тоже «присталъ» къ разинцамъ.

Новое обстоятельство еще болѣе усилило славу Разина и даже придало ему таинственный обликъ колдуна, котораго и пушки «не берутъ». Когда воры шли мимо не смѣвшаго оказать сопротивленіе «по малолюдству» Царицына — ни одна изъ городскихъ пушекъ не выстрѣлила: «запаломъ весь порохъ выходилъ», какъ разсказывалъ очевидецъ. Царицынскій воевода такъ напугался неудачной пальбы изъ пушекъ, что безпрекословно выдалъ Разину «наковальню и мѣхи и кузнечную снасть».

Подъ Чернымъ Яромъ у Стеньки было уже народа «тысячи съ полторы и болши» и плыли они цѣлою флотиліей — на 35-ти стругахъ. Ограбивъ черноярскаго воеводу, Стенька прошелъ мимо Астрахани и отправился прямо на Яикъ. Въ этомъ городѣ, въ качествѣ гарнизона, находились стрѣльцы. Стенька «вманился» съ сорока товарищами въ Яицкій городокъ — «къ церквѣ помолиться», его впустили, а за нимъ вошли и «воровскіе» казаки. Ста-семидесяти стрѣльцамъ, находившимся въ городкѣ, были отрублены головы, а остальные отпущены на волю и частью присоединились къ разиновцамъ, а частью ушли въ Астрахань.

Въ Яицкомъ городкѣ разиновцы и зазимовали. Посылавшіеся на нихъ изъ Астрахани военные отряды не осмѣливались и подходить близко. Вѣсти о дѣяніяхъ Разина дошли въ Москву; оттуда была отправлена на Донъ грамота, увѣщавшая казаковъ отстать отъ «воровства». Депутаты съ Дона привезли эту грамоту къ Стенькѣ, вмѣстѣ съ особою увѣщательною отпиской войсковаго донскаго атамана. Разинъ собралъ, по обычаю, казачій кругъ для выслушанія этихъ документовъ, и заявилъ депутатамъ, что «какъ къ нему впредь (т. е. вторично) государева грамота придетъ и онъ-де великому государю вину свою принесетъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ отказался освободить захваченныхъ имъ въ плѣнъ стрѣльцовъ и едисанскихъ татаръ.

Проспдѣвъ всю зиму въ Яицкомъ городкѣ, отбивъ нападенія посланнаго изъ Астрахани войска и повѣсивъ посланныхъ «для сговору» стрѣлецкихъ головъ, — 23 марта 1668 года, ночью, Стенька осуществилъ свою первоначальную мечту — ушелъ въ море, взявъ съ собою легкую артиллерію, а большія орудія, бывшія въ городкѣ, казаки «вывезли и пометали въ воду».

Больше года ничего не слышно было о Разинѣ: первый періодъ «Разиновщины», казалось, завершился исчезновеніемъ «воровъ» и можно было-бы думать, что

этимъ окончилось и все движеніе, если-бы у Разина не нашлось послѣдователей. Въ концѣ апрѣля того-же 1668 года противъ Царицына появился новый донской удалецъ — Сережка Кривой, «съ товарыщи съ 600 человѣкъ и болши», побилъ царицынскихъ ратныхъ людей и ушелъ на низъ. Подъ Астраханью, въ протокѣ Карабузанъ, Сережка на голову разбилъ посланную за нимъ изъ Астрахани погоню, причемъ около ста стрѣльцовъ перешло на его сторону, и ушелъ въ море «къ Стенькѣ Разину».

Стенькины подвиги надѣлали такого шума на Дону, что, по показанію современника, «во всѣхъ низовыхъ городкахъ воровскіе казаки сбираются многимъ собраньемъ и хотятъ итти съ Дону на Волгу къ Царицыну, а на атамана-де на Корнила Яковлева и на иныхъ старшинъ хвалятся воровскіе казаки — хотятъ побить». То-же происходило и на Хопрѣ; и тамъ «похвалялись» итти на Волгу и бить стрѣльцовъ. Появились «воровскіе казаки» и на Кавказѣ: конная сотня Алешки Протокина стала у Гребенскихъ городковъ; на Куму-рѣку пришло четыреста человѣкъ и ждали съ Дона Алешку Каторжнаго съ двумя тысячами; запорожецъ — атаманъ Боба — велъ четыре сотни донскихъ казаковъ.

Хотя самого Стеньки и не было, но движеніе разросталось, принимало болѣе грозный характеръ. Горючаго матеріала скопилось такъ много, что пламя перекидывалось повсюду, даже и тогда, когда удалось погасить главное пожарище — когда не стало самаго вдохновителя голытьбы Стеньки Разина. Нуженъ былъ лишь примѣръ, лишь удачные первые шаги одного, наиболѣе смѣлаго предводителя, чтобы началась «шатость» и нашлись подражатели.

Центральное правительство не использовало отсутствія Стеньки для укрѣпленія Астрахани и все дѣло ограничилось замѣною воеводы Ивана Хилкова княземъ И. С. Прозоровскимъ, которому пришлось впослѣдствіи погибнуть отъ руки разиновцевъ.

Всегда существовавшія на Дону и враждовавшія двѣ партіи — «степенныхъ» зажиточныхъ казаковъ и «голутвенныхъ» или «голытьбы» — теперь разошлись другъ съ другомъ еще сильнѣе. «Степенные», съ одной стороны, боялись ссоры съ Москвой, а съ другой — опасались раздражать и «голутвенныхъ», явно тянувшихъ къ Стенькѣ. Явившійся въ Царицынъ въ августѣ 1668 года терскій стрѣлецъ Дербышевъ говорилъ, что Корнило Яковлевъ, изъ-за «большого непостоянства» казаковъ и опаселія царскаго гнѣва, сдалъ свою должность выбранному на его мѣсто въ атаманы Михайлѣ Самаренину.

Разинъ отправился въ море съ совершенно опредѣленною цѣлью грабежа, богатой поживы. Неизвѣстно, насколько онъ былъ человѣкомъ зажиточнымъ, но, судя по всему, ему едва-ли жилось особенно тепло и сытно, а у него была семья — жена. Этимъ быть-можетъ и объясняется его близость къ донской голытьбѣ. Шайка Разина, конечно, была довольна всякому грабежу. Наголодавшіеся и натерпѣвшіеся люди естественно хотѣли, прежде всего, вкусно попить-поѣсть, всласть пожить, какъ говорится—«оправиться», вольнѣе вздохнуть.

Разиновцы первоначально обрушились на Дагестанъ. Населеніе этой области, какъ указываетъ Н. И. Костомаровъ, «давно уже возбуждало вражду въ русскомъ мірѣ» и особенно среди донцовъ, полюбившихъ дагестанцевъ за ихъ жестокое рабовладѣльчество. Подъ Тарками къ Разину присоединился Сережка Кривой, они двинулись на Дербентъ и опустошили весь берегъ до Баку: «многихъ людей въ полонъ взяли и животы (скотъ) поймали». Набѣги совершались съ моря и русскіе пираты несли очень малыя потери. Но подъ Решгомъ ихъ ожидали уже значительные военные отряды персовъ. Разинъ и здѣсь проявилъ свое остроуміе, какъ и во взятіи Яицкаго городка. Онъ заявилъ персамъ — «шаховымъ служилымъ людямъ», что казаки «хотятъ быть у шаха въ

вѣчномъ холопствѣ». Злою насмѣшкою звучала эта фраза на устахъ дѣтей вольнаго Дона и бѣглецовъ изъ крѣпостной Руси, но начальникъ Решта — Буданъ-ханъ повѣрилъ этой хитрости и даже послалъ «шаховыхъ служилыхъ людей» сопровождать отправленную казаками въ Испагань, къ шаху, депутацію, чтобы шахъ казакамъ «велѣлъ дать мѣста на рѣкѣ Ленкурѣ, гдѣ имъ жить». Обманутый депутаціей шахъ, не рѣшая вопроса по существу, приказалъ казакамъ ждать и даже распорядился давать имъ «кормъ до указу», вслѣдствіе чего разиновцы получали ежедневно по 150 — 200 рублей на «кормы».

Этотъ обманъ долго не вскрывался. Поведеніе казаковъ не особенно нравилось, однако, жителямъ Решта и по какой-то причинѣ они, не взирая на мирныя отношенія, напали на казаковъ и убили до четырехсотъ человѣкъ, а нѣкоторыхъ «и въ полонъ поймали». Послѣ этого Разинъ ушелъ изъ Решта и отправился въ Фарабатъ, жители котораго и поплатились за решитское нападеніе на «воровъ». Казаки явились будто-бы для торговли и, пять дней торговля шла мирно, но на шестой Стенька подалъ условный знакъ — заломилъ шапку на головѣ — и Фарабатъ былъ сожженъ до тла и разграбленъ, причемъ сгорѣли и шаховы дворцы. Набравъ много плѣнныхъ, разиновцы зазимовали на какомъ-то островѣ, гдѣ былъ «шаховъ лѣсной заповѣдникъ» и «потѣшные дворы», производя размѣнъ плѣнныхъ: «имали за одного кизылбашенина по два и по три и по четыре человѣка русскихъ». Число удальцовъ все прибывало; къ нимъ приставали «для воровства» даже «иноземцы скудные многіе люди», т. е. иноземная «голытьба».

Шахъ всю зиму 1668 года и весну 1669 г. готовился къ расправѣ съ людьми, такъ коварно желавшими стать его «вѣчными холопами». Но съ наступленіемъ весны Разинъ отправился на восточный берегъ Каспійскаго моря — громить туркменскіе улусы. Во время этой экспедиціи былъ убитъ Сережка Кри-

вой. Затѣмъ Разинъ снова вернулся къ Гиляни и поселился на Свиномъ островѣ.

Черезъ два мѣсяца по его возвращеніи, передъ Свинымъ островомъ появилась грозная флотилія шаха: 70 кораблей съ 3700 воиновъ подъ командой Мамеды-хана и его сына «Шабалды». Произошелъ бой и разиновцы одержали блестящую побѣду: только на трехъ стругахъ ушли «немногіе шаховы люди», а «Шабалда» попалъ въ плѣнъ, вмѣстѣ съ сестрою — тою самою персидскою княжною, которую Разинъ, по преданію, принесъ въ даръ Волгѣ. Досталась удальцамъ и шахова артиллерія — 33 пушки.

Но какъ ни велика была слава этой побѣды, а жить казакамъ на Свиномъ островѣ было плохо: люди болѣли отъ соленой воды и умирали, деньги дѣвать было некуда, а хлѣба не хватало. И вотъ, какъ поется въ народной пѣснѣ, возникла мысль о возвратѣ въ Россію:

Не пора-ли намъ, ребята, со синя-моря
Что на матушку, на Волгу, на быстру рѣку?

Ночью 7 августа 1669 г. разиновцы внезапно появились въ устьѣ Волги, ограбили митрополичьи рыбныя ловли, потомъ «бусу» персидскаго купца и укрѣпились на островѣ Четыре бугра.

Разинъ держался выжидательной политики. Въ случаѣ, если-бы ему не удалось такъ или иначе примириться съ русскимъ правительствомъ, онъ собирался идти зимовать въ Тарки, а потомъ пробираться на Куму и, вѣроятно, на Донъ. Онъ, повидимому, былъ склоненъ считать свое предпріятіе завершеннымъ и хотѣлъ вернуться на Донъ со всею бывшею голытьбой, теперь обогатившеюся отъ разбоевъ и грабежей. Но возможно, конечно, что онъ уже и въ это время думалъ о главенствѣ на Дону, о своемъ новомъ донскомъ войскѣ, которому должно будетъ уступить мѣсто старое степенное донское казачество. Никакихъ твердыхъ данныхъ для предположенія, что у Разина

БИБЛИОТЕКА им. А. М. Горького

уже въ это время были намѣренія идти во главѣ соціальной революціи, въ нашемъ распоряженіи не имѣется.

Обстоятельства слагались довольно благопріятно. Астраханскій воевода, очевидно, не считалъ возможнымъ круто обойтись съ разиновцами и еще до ихъ возвращенія добился полученія изъ Москвы «милостивой» царской грамоты къ разиновцамъ. Какъ только пришли въ Астрахань вѣсти о появленіи Разина, четыре тысячи стрѣльцовъ на 36 стругахъ отправились въ море подъ командою воеводскаго товарища, князя Львова, державшаго при себѣ царскую грамоту.

Разиновцы испугались астраханской рати, малодушно бросились въ струги и побѣжали въ море, а князь Львовъ погнался за ними. Верстъ двадцать гнался князь Львовъ, «и видя, что ихъ не сугнать и поиску надъ ними учинить не мочно» — послалъ къ «ворамъ» царскую грамоту. Разинъ успокоился и вернулся въ свой станъ, а князь Львовъ предусмотрительно преградилъ «ворамъ» путь къ морю.

Ознакомившись съ царскою грамотой, «воры» прислали ко Львову двухъ выборныхъ, которые «ото всего в о й с к а» били челомъ, чтобы государь «велѣлъ вины ихъ имъ отдать» и, согласно грамотѣ, «на Донъ ихъ отпустить съ пожитками», обѣщались вѣрно служить государю, вернуть пушки, взятыхъ ими служилыхъ людей и струги. Львовъ привелъ выборныхъ къ присягѣ и направился въ Астрахань въ сопровожденіи разиновцевъ.

25-го августа въ Астраханской приказной избѣ Стенька положилъ свой бунчукъ и отдалъ десять знаменъ, а также часть пушекъ и плѣнныхъ. Цѣлую недѣлю пробыли разиновцы въ Астрахани и настроеніе ихъ атамана круто измѣнилось за это время. Астраханскія власти, видимо, боялись его раздражать; народъ относился къ нему съ уваженіемъ — и, почувствовавъ подъ собою почву, Разинъ тотчасъ-же измѣнилъ тонъ. Воевода потребовалъ возврата добычи и

взятыхъ казаками плѣнныхъ; Разинъ отвѣчалъ, что добыча вся «раздуванена» и собрать ее «никоторыми дѣлы не мочно», а плѣнные пришадлежатъ казакамъ по праву — взяты съ бою и сверхъ того подѣлены. Воевода хотѣлъ произвести перепись казакамъ; Разинъ отвѣчалъ, что «переписки казакамъ на Дону и на Яикѣ и нигдѣ по ихъ казачьимъ правамъ не повелось», да о переписи не говорится и въ милостивой грамотѣ. Не отдалъ онъ и двадцать пушекъ, подъ предлогомъ, что онѣ понадобятся при возвращеніи на Донъ для защиты «отъ крымскихъ и отъ азовскихъ и ото всякихъ воинскихъ людей...» И воеводы подчинялись волѣ Разина, не рѣшались ему перечить. Можетъ-быть здѣсь дѣйствовали и богатые «поминки», которыми «воровской атаманъ» одарилъ администрацію, но несомнѣнно, что побѣдитель персидскаго флота и атаманъ новаго казачьяго войска казался человѣкомъ опаснымъ. Воеводы боялись, какъ-бы казаки «вновь шатости къ воровству не учинили», а главное — чтобы «не пристали къ ихъ воровству иные многіе люди».

Эти опасенія были не безосновательны. «Воры» произвели сильное впечатлѣніе на астраханцевъ. Вчерашніе «голутвенные» были теперь такъ богаты, что, по выраженію «Хронографа», — «и не вѣроятно быти мнится». На стругахъ Разина «веревки и канаты всѣ шелковые и парусы также всѣ изъ матеріи персидской шелковой». Разинцы «оказались одѣтыми въ шелкъ и даже парчу такъ роскошно, что Стеньки нельзя было отличить отъ подначальныхъ», пишетъ иностранецъ Койэтъ. «Воры» вели такую жизнь, какая городской мелкотѣ только во снахъ снилась: пьянствовали, швыряли деньгами...

Въ глазахъ народа, быть-можетъ еще раньше, чѣмъ въ своихъ собственныхъ, Разинъ сталъ уже не рядовымъ разбойничьимъ атаманомъ, не простымъ удальцомъ, а грядущимъ избавителемъ отъ утѣсненій. При встрѣчахъ ему кланялись въ землю, вели-

чали его «не иначе, какъ батькою». Со своей стороны и Разинъ «велъ себя какъ король»: «расхаживая по улицамъ, онъ бросалъ въ народъ кучи дукатовъ и иныхъ награбленныхъ имъ монетъ».

Подъ вліяніемъ всего этого психологія Разина естественно должна была измѣниться, онъ не могъ не почувствовать своего значенія.

4 сентября воевода отпустилъ разиновцевъ на Донъ подъ конвоемъ полусотни стрѣльцовъ. При отпускѣ казаковъ астраханскія власти «съ великимъ подкрѣпленьемъ» убѣждали ихъ не подговаривать идти съ собою «никакихъ людей», а пристающихъ добровольно — не принимать. Черноярскому и царицынскому воеводамъ было предписано не пускать казаковъ въ города и не продавать имъ вина. Но эти предосторожности ни къ чему не привели: разиновцы возвращались на Донъ какъ тріумфаторы и вели себя соотвѣтственнымъ образомъ: «всякое озорничество чинили».

Особенно напугалъ Стенька царицынскаго воеводу Унковскаго, который боялся показаться Разину на глаза, прятался отъ него и даже расшибся, выпрыгнувъ въ окно. Въ Царицынѣ Разинъ выступилъ въ качествѣ высшаго судьи и печальника о казачьихъ нуждахъ. Нѣкоторые казаки пожаловались ему на поборы со стороны воеводы и Разинъ приказалъ Унковскому удовлетворить потерпѣвшихъ, пригрозивъ, что если воевода «учнетъ» донскимъ казакамъ «налоги чинить, лошади и ружье отнимать и съ подводъ имать деньги противъ прежняго», то воеводѣ и «живу не быть». Разинъ у царицынской тюрьмы «замокъ сбилъ и сидѣльцевъ выпустилъ», поймалъ и ограбилъ ѣхавшаго въ Астрахань съ царскими грамотами сотника Синцова, а грамоты бросилъ въ воду; не отдавалъ пушекъ и знаменъ, ссылаясь на то, что о нихъ не упомянуто въ царской грамотѣ. Словомъ — онъ чувствовалъ себя хозяиномъ положенія и послѣ пятидневнаго «озорничества» въ Царицынѣ — нанялъ подводы и поѣхалъ на Донъ.

Первый его станъ на Дону былъ у Пятизбскаго городка. Казаки называли Разина «отцомъ» и подъ его отцовскую руку шли «многіе» и съ Дона, и съ Хопра. Явились сюда и тѣ люди, которые снабжали платьемъ и оружіемъ разиновцевъ при ихъ отправленіи на Волгу въ 1667 году; разиновцы дѣлились съ ними добычею. И тогда уже шли разговоры, «что на весну отъ казаковъ безъ воровства конечно не будетъ».

Изъ Пятизбскаго городка Разинъ спустился по Дону до Кагальницкаго городка и въ окрестностяхъ его, на островѣ, заложилъ свой станъ съ земляными «избами» и укрѣпленіями. Этимъ Разинъ какъ-бы подчеркивалъ разницу между его казаками и остававшимися на Дону «степенными». Здѣсь разиновцы и зазимовали.

Дерзость, съ какою держалъ себя Разинъ въ Астрахани, отказываясь повиноваться всѣмъ желаніямъ воеводы, оказалась, по ходу событій, актомъ большой политической мудрости. Если-бы Разинъ уступилъ — его роль была-бы кончена.

Дѣло въ томъ, что московское правительство оказалось въ высшей степени недовольнымъ уступчивостью астраханскаго воеводы, которая, отчасти, была продиктована самымъ содержаніемъ той «милостивой грамоты», при помощи которой удалось кончить дѣло съ «ворами» мирнымъ образомъ. По присланному изъ Москвы въ Астрахань разъясненію, оказывалось, что разиновцамъ слѣдовало «воровство и вины ихъ выговорить», «привести къ вѣрѣ (присягѣ) въ церкви по чиновной книгѣ, чтобъ имъ впредь не воровать», а затѣмъ размѣстить ихъ въ Астрахани подъ надзоромъ стрѣльцовъ, никакой «повольности имъ не давать» и не отпускать изъ города. Оправдываясь отъ этихъ обвиненій «малолюдствомъ» въ ратныхъ людяхъ и «шатостью» астраханцевъ, воевода писалъ между прочимъ, что «прежніе воровскіе казаки», винившіеся предъ царемъ, «къ вѣрѣ не приваживаны и за приставовъ въ роздачѣ не бывали», такъ что у

астраханскихъ властей не было основаній примѣнять эти суровыя мѣры безъ особаго о томъ указа.

Такъ завершилось первое выступленіе Разина, носившее еще чисто-разбойничій характеръ. Это была, такъ сказать, проба своихъ силъ и способностей. Успѣхъ этой пробы возбудилъ въ Стенькѣ Разинѣ самоувѣренность, гордость, мечты объ образованіи новаго донскаго войска подъ своимъ атаманствомъ. Когда эти мечты такъ-же осуществились, какъ и послужившія исходною точкою для движенія, мечты о добычѣ богатыхъ «зипуновъ», — окрыленный удачею организаторъ движенія направился къ еще болѣе смѣлой и уже политической цѣли.

II.

1669—1670.

„Разиновщина" — государственный и соціальный переворотъ.

Въ своемъ Кагальницкомъ городкѣ Стенька водворилъ довольно суровую дисциплину: сталъ отпускать своихъ казаковъ для свиданья съ родными «на срочные дни за крѣпкими поруками», и держалъ свое войско въ постоянной боевой готовности, «безпрестанно» приказывая казакамъ быть готовыми, но не открывая имъ своихъ плановъ. Разинъ выписалъ изъ Черкасска въ свою новую резиденцію жену и брата Фролку тоже съ женою. Численность войска у Разина все возрастала: люди шли къ нему «безпрестанно» и не только съ Дона, но и «изъ запорожскихъ городовъ». Къ концу ноября 1669 года у Разина насчитывалось уже 2700 человѣкъ.

Слухи о намѣреніяхъ Разина носились недобрые. Одни говорили, что Разинъ «похваляется» извести старшихъ въ войскѣ, начиная съ самого войсковаго атамана, а затѣмъ «итти въ Запороги». Другіе разска-

зывали, что Стенька боится царскаго гнѣва и съ нетерпѣніемъ ждетъ возвращенія изъ Москвы той депутаціи изъ семи казаковъ, которую онъ, съ согласія воеводы, отправилъ еще изъ Астрахани. Если депутаты привезутъ благопріятный и милостивый отвѣтъ — Разинъ пойдетъ съ товарищами служить великому государю, куда будетъ указано, а при неблагопріятномъ отвѣтѣ — «соединится съ запорожскими черкасы вмѣстѣ». Ходили слухи, что запорожскіе атаманы Дорошенко и Сѣрко списывались съ Разинымъ, въ какое время и «въ которомъ урочищѣ сойтиться вмѣстѣ».

Посланныхъ Разинымъ изъ Астрахани въ Москву «депутатовъ» постигла довольно печальная участь: ихъ безъ всякаго отвѣта, «выговоривъ вины», отправили подъ конвоемъ обратно въ Астрахань, чтобы они тамъ «вины свои заслуживали». Но по дорогѣ казаки, узнавъ, что Разинъ съ товарищами отпущенъ изъ Астрахани на Донъ, «учинились силны», побили караульныхъ и ушли на Донъ.

Зима прошла спокойно. Разинъ сидѣлъ смирно, «задоровъ отъ него ни съ кѣмъ» не было. Захватилъ онъ ѣхавшихъ съ товарами купцовъ, но не грабилъ ихъ, а только заставилъ торговать у себя въ городкѣ. Сношеній у него «съ войсковымъ атаманомъ и съ войскомъ ни о чемъ не бывало» и степенные «старожилые домовные» казаки не знали, что имъ дѣлать. Съ одной стороны — Разинъ былъ несомнѣнно виновенъ, а съ другой — вернулся на Донъ по милостивой царской грамотѣ...

5-го марта 1670 года изъ Москвы отправили на Донъ «жильца» Герасима Евдокимова съ грамотою къ донцамъ. Но главною цѣлью посылки было дипломатическое порученіе — «провѣдати всякими мѣры подлинно»: гдѣ находится Разинъ, помнитъ-ли онъ «государскую милостивую пощаду и отъ смерти свобожденіе», въ какихъ онъ отношеніяхъ со степенными казаками, «шатости въ немъ какія и пріобщенія къ во-

ровству нѣтъ-ли», «куды его на весну чаятъ походу» и т. п.

Если-бы Евдокимову удалось выполнить эту миссію, онъ привезъ-бы по всѣмъ ея статьямъ неудовлетворительные отвѣты. Разинъ, конечно, не помнилъ и не могъ помнить «милостивой пощады» и «отъ смерти свобожденія», которыхъ въ дѣйствительности не было.

Царскій посланецъ явился на Донъ въ воскресенье на Ѳоминой недѣлѣ и былъ принятъ въ Нижнечеркасскѣ съ почетомъ. Выслушавъ царскую грамоту, степенные казаки «великому государю на его государской милости челомъ ударили». Но на другой день въ Нижнечеркасскъ явился Разинъ съ частью своихъ казаковъ. Во вторникъ атаманъ Корнило Яковлевъ созвалъ войсковой кругъ для выбора «станицы» (депутаціи) въ Москву. Разинъ вызвалъ въ кругъ Евдокимова и задалъ ему вообще характерный для русскихъ возстанцевъ XVII вѣка вопросъ:

— Отъ кого поѣхалъ ты: отъ великаго государя или бояръ?

Евдокимовъ отвѣчалъ, что онъ посланъ отъ государя съ грамотою, но Разинъ вѣрно угадалъ настоящую цѣль пребыванія царскаго посланца на Дону:

— Пріѣхалъ ты не съ грамотою, а лазутчикомъ къ намъ! — закричалъ Стенька и жестоко избивъ посла, «посадилъ въ воду на Донъ рѣку», т. е. утопилъ.

Степенные казаки и тутъ не рѣшились на какія-либо дѣйствія: такъ великъ и страшенъ уже былъ въ то время Разинъ. Корнило Яковлевъ сталъ было упрекать крестника, что онъ поступаетъ «непригоже», но тотъ, пригрозивъ Яковлеву, сказалъ характерную фразу, закрѣплявшую фактъ существованія новаго донскаго войска:

— Ты владай своимъ войскомъ, а я владаю своимъ!

Ни Яковлевъ, ни степенные казаки не посмѣли ему перечить, и только тайкомъ выпустили изъ-подъ ареста товарищей погибшаго Евдокимова.

Такъ окончательно раздѣлились донцы на старыхъ, вѣрноподданныхъ и новыхъ, бунтовщиковъ. Есть свѣдѣнія, (показанія въ Москвѣ посланнаго степенными донцами Михаила Самаренина), что Разинъ неоднократно выступалъ ораторомъ въ казачьемъ кругу: такъ, онъ, будто-бы уговаривалъ казаковъ въ кругу «приставать къ его воровству», а когда атаманъ и старые казаки начали возражать, то Разинъ сталъ ихъ бить «и въ воду металъ». Чувствуя подъ собою силу, Разинъ, разумѣется, могъ продѣлывать подобныя вещи. Но онъ шелъ и дальше: когда собрался кругъ по поводу постройки въ Черкасскѣ новыхъ церквей вмѣсто сгорѣвшихъ — Разинъ «износилъ на имя Господне и на его святую церковь хулу, и священниковъ съ Дону учалъ сбивать, хотя жить безъ браку». Вмѣсто церковнаго обряда Разинъ, по словамъ «Хронографа», «велѣлъ вѣнчать около верьбы». Трудно сказать, откуда взялся у недавняго соловецкаго богомольца этотъ религіозный радикализмъ; возможно, по догадкѣ Н. И. Костомарова, что Разинъ дѣйствовалъ въ данномъ случаѣ, какъ революціонный агитаторъ, стремясь отвлечь казаковъ отъ церковнаго ученія о необходимости подчиненія властямъ, особенно усердно проповѣдывавшагося русскимъ духовенствомъ. Понятно также и съ психологической точки зрѣнія, это анархическое стремленіе впезапно выросшаго въ собственныхъ глазахъ человѣка — избавиться отъ всякихъ связующихъ его волю путъ.

Вскорѣ послѣ этого «провозглашенія» независимости своего войска отъ остальныхъ донцовъ, Разинъ двинулся на Волгу на судахъ и на лошадяхъ по берегу. Здѣсь къ разиновцамъ примкнулъ еще одинъ представитель служилаго сословія — боярскій сынъ Алексѣй Ларинъ. Первою остановкою разиновцевъ на Волгѣ былъ Царицынъ, скоро оказавшійся въ ихъ

рукахъ вслѣдствіе сочувствія жителей, сбившихъ замокъ у городскихъ воротъ и впустившихъ казаковъ. Здѣсь Разинъ совершилъ первый ярко-революціонный актъ — возсталъ противъ властей. Воевода былъ утопленъ и городъ перешелъ во власть семи-тысячнаго уже «воровскаго» войска, немедленно принявшагося за укрѣпленіе Царицына.

Здѣсь, подъ Царицынымъ, движеніе Разина окончательно приняло революціонный, противоправительственный характеръ. Когда работы по укрѣпленію Царицына были завершены, Стенька созвалъ казачій кругъ, «а въ кругу говорилъ всѣмъ своимъ казакамъ, чтобъ имъ идти вверхъ по Волгѣ подъ государевы города и восводъ изъ городовъ выводить, или идти къ Москвѣ противъ бояръ». Казаки, конечно, согласились— «положили на томъ, какъ онъ говорилъ».

Къ такому рѣшенію вопроса о цѣли поднятаго движенія вела вся обстановка «Разиновщины». Семитысячное сборище было черезчуръ велико для того, чтобы оставаться простою разбойничьею шайкой. Многочисленность, постоянныя удачи, никогда не угасавшая среди голытьбы злоба противъ богатыхъ и сильныхъ міра сего — все внушало «ворамъ» замыслы еще болѣе дерзкіе, все вело ихъ на революціонный путь.

Революціонный путь для древней Руси былъ давно уже намѣченъ и отлился даже въ цѣломъ рядѣ пословицъ и поговорокъ. Возстаніе, по народной идеологіи, возможно только противъ правительственныхъ агентовъ — бояръ, но не противъ самого государя. Еще въ древнія княжескія времена сложилась характерная, упоминаемая Даніиломъ Заточникомъ поговорка: «не князь грѣшитъ, а думцы наводятъ», впослѣдствіи отлившаяся въ еще болѣе опредѣленную форму: «царь добра хочетъ, а бояре скребутъ», т. е. тѣснятъ народъ. Наряду съ этимъ, въ народномъ сердцѣ жила увѣренность, что «какъ весь народъ вздохнетъ — до царя дойдетъ». Возстаніе и казалось

многимъ имѣнно этимъ «всенароднымъ вздохомъ», который долженъ, наконецъ, дойти до царя. Такъ думали возстанцы временъ «Морозовщины», такъ-же точно думали и «разиновцы».

Напавъ на шедшій изъ Москвы для охраны Царицына стрѣлецкій отрядъ и вступивъ съ нимъ въ сраженіе, «разиновцы» говорили:

— Вы, стрѣльцы, бьетесь за измѣнниковъ, а не за государя, а нашъ атаманъ съ войскомъ бьется за государя.

Это были не пустыя слова, не фразы, которыми возставшіе хотѣли-бы оправдать свои дѣйствія. Въ этихъ словахъ выразилась старая и всегда дорогая для русскаго простолюдина идея — добиться правды, добиться новыхъ государственныхъ порядковъ, согласныхъ съ народными интересами. Возставшіе крѣпко вѣрили въ то, что царь — доброхотъ своему народу, что онъ и душою-бы радъ сблизиться съ народомъ, да бояре — «думцы» на другое «наводятъ» его мысли, не даютъ ему осуществить его добрыя намѣренія. Возстать противъ боляръ — это значитъ помочь царю. И въ стремленіи подать царю-батюшкѣ помощь противъ бояръ, измѣняющихъ народу, а слѣдовательно и ему, царю, — населеніе поднималось и создавало революціонное движеніе. Правда, вскорѣ на возставшихъ нападали сомнѣнія — точно-ли нужна царю помощь — и подъ вліяніемъ жестокихъ усмиреній это сомнѣніе обращалось въ страхъ, чаще всего приводившій возставшихъ къ необходимости отказаться отъ своевольной помощи царю и жить «какъ онъ укажетъ». Въ этомъ — причина безплодности русскихъ народныхъ движеній прежняго времени.

Московскіе стрѣльцы, поколебленные словами разиновцевъ, были разбиты, а триста человѣкъ, попавшихъ въ плѣнъ, обращены въ гребцовъ на «воровскихъ» стругахъ.

Разинъ не терялъ даромъ времени, сидя въ Царицынѣ. Прежде всего онъ ввелъ въ городѣ казацкое

устройство: подѣлилъ жителей на десятки и сотни, поставилъ надъ ними атамана, вмѣсто воеводы. Такимъ именно строемъ Разинъ и хотѣлъ замѣнить московскіе приказные порядки; такова и была его «политическая программа», выражаясь современнымъ языкомъ. Н. И. Костомаровъ не безъ основаній предполагаетъ, что изъ Царицына, навѣрно, и началась разсылка разинскихъ «прелестныхъ листовъ», впослѣдствіи такъ широко распространившихся по Руси и сильно взволновавшихъ московское правительство.

Устроивъ управленіе Царицынымъ и поставивъ во главѣ его донскаго казака Пронку Шумливаго и представителя мѣстнаго населенія — боярскаго сына Ивашку Кузмина, который по порученію Разина, ходилъ, между прочимъ, покорять Камышинъ, чего безъ особаго труда и достигъ, — Разинъ могъ приступить къ осуществленію похода на «государевы города» или даже на самую Москву. Но въ это время пришли вѣсти изъ Астрахани, побудившія возставшихъ измѣнить первоначальную программу дѣйствій и двинуться не вверхъ по Волгѣ, а внизъ.

Дѣло въ томъ, что астраханскія власти сильно обезпокоились, узнавъ отъ татаръ объ участи Царицына. Воевода «съ товарищи», посовѣтовавшись съ митрополитомъ, рѣшили «послать противу воровъ высылку наскорѣ, чтобы его, Стеньку, не пропустить на низъ», т. е. къ Астрахани. Наскоро мобилизовали довольно сильный отрядъ ратныхъ людей изъ 3100 человѣкъ, въ томъ числѣ 500 человѣкъ «вольныхъ людей», выстроили и соорудили флотилію изъ 40 струговъ. Команду надъ отрядомъ принялъ тотъ-же самый князь Львовъ, который годъ назадъ встрѣчалъ разиновцевъ при возвращеніи ихъ изъ «прогулки» въ Персію.

Вскорѣ послѣ отправки изъ Астрахани «высылки», туда пришла вѣсть, что шедшаго изъ Москвы въ Царицынъ стрѣлецкаго отряда не существуетъ болѣе. Возникъ было вопросъ о томъ, не вернуть-ли

«высылку» обратно и отсиживаться отъ воровъ въ городѣ, но этого почему-то не было сдѣлано.

Между тѣмъ, Разинъ, узнавъ о «высылкѣ», рѣшилъ выйти на встрѣчу князю Львову. Восемь-девять тысячъ «воровъ» двинулись на стругахъ и по берегу. Разинъ ѣхалъ на стругахъ, а семь сотенъ конницы подъ начальствомъ Васьки Уса и Парѳена Еремѣева было послано «горами» — по берегу.

Оба войска сошлись подъ Чернымъ Яромъ. Хотя передъ отправкою стрѣльцовъ изъ Астрахани на ихъ глазахъ казнили одного изъ подосланныхъ Стенькой въ Астрахань «уговорщиковъ», но это мало содѣйствовало усиленію вѣрности среди астраханскихъ стрѣльцовъ: они возмутились, едва завидѣли приближеніе Разина. Астраханскіе стрѣльцы еще по дорогѣ, до встрѣчи съ Разинымъ, говорили, что имъ слѣдуетъ «къ ворамъ пристать, и соединяся съ ними идти подъ Астрахань, боярина и воеводъ, и приказныхъ, и инныхъ чиновъ добрыхъ людей побить, а астраханцы-де, которые остались въ Астрахани, городъ имъ сдадутъ». Есть извѣстія и о томъ, что астраханскіе стрѣльцы изъ отряда князя Львова подсылали къ Стенькѣ депутацію съ какимъ-то предложеніемъ. По словамъ Стрюйса, стрѣльцы привѣтствовали Разина, какъ своего «избавителя», а тотъ, въ свою очередь, не скупился на обѣщанія разныхъ льготъ и милостей. Въ концѣ-концовъ, произошло довольно обычное въ эпоху «Разиновщины» явленіе: «астраханцы служилые высланные люди, стрѣльцы и солдаты, съ нимъ, воромъ, бою не дали, приложились къ нему, вору». Всѣ начальные люди, кромѣ князя Львова, были убиты и весь отрядъ перешелъ къ Стенькѣ.

Онъ располагалъ теперь внушительною арміей въ 12 — 13.000 человѣкъ; причемъ среди возставшихъ было не мало обученныхъ «ратному дѣлу» людей, а также и «хохлачей, черкасъ» — малороссовъ. Разинъ заговорилъ съ астраханскими стрѣльцами о сдачѣ ему города и узналъ, «что у нихъ, у многихъ, въ Астра-

хани свои и городъ имъ сдадутъ». Оставалось идти на Астрахань, что и было исполнено. Взятіе Астрахани должно было обезпечить Разину отступленіе въ случаѣ неудачи и являлось, въ сущности, правильнымъ стратегическимъ пріемомъ, хотя, съ другой стороны, отсрочивъ свой походъ на верхне-волжскіе города, Разинъ далъ имъ возможность приготовиться къ оборонѣ.

Въ Астрахани дѣла шли плохо. Стрѣльцы роптали, что имъ не платятъ жалованья за минувшій годъ и отнюдь не убѣждались заявленіями воеводы, что «казны съ Москвы не бывало» еще. Вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдалась среди астраханцевъ и большая «шатость» въ сторону «богоотметника и измѣнника» Стеньки. Воевода посовѣтовался съ митрополитомъ: рѣшили «утвердити» стрѣльцовъ «въ заступленіи града» и стали собирать деньги: митрополитъ далъ 600 рублей своихъ денегъ, изъ Троицкаго монастыря, по его приказанію, взяли 2000 рублей. И «за четыре дня до взятія града Астрахани» стрѣльцамъ выдали жалованье.

Разиновцы пришли подъ Астрахань и стали въ урочищѣ Жареные Бугры. Разинъ, — какъ говоритъ «Хронографъ», — «товарищевъ своихъ посылалъ говорить и прельщать воровски астраханскихъ служилыхъ и всякихъ чиновъ людей». По словамъ «Сказанія о градѣ Астрахани», именно астраханскіе «измѣнники Андрюшка Лебедевъ, да Сенька Куретниковъ съ товарищи» и указали Разину, откуда вести приступъ.

Прибывъ подъ Астрахань, Разинъ послалъ двухъ парламентеровъ для переговоровъ о сдачѣ города. Это были: астраханецъ-же, священникъ Василій Маленькій и дворовый человѣкъ князя Львова—Вавилко. Переговоры не привели ни къ чему: Вавилку казнили, а попа посадили въ тюрьму.

19 іюня 1670 года Разинъ высадился на берегъ и сталъ готовиться къ приступу на Астрахань съ южной, слабѣе защищенной стороны. Въ тотъ-же день были пойманы астраханскіе «перебѣжчики» на

ну Стеньки: двое нищихъ. Они повинились не-казнью, «что похвалилися вору Стенькѣ Разину съ товарищи въ приступное время Бѣлой городъ (т. е. центръ Астрахани) зажещи...»

Наконецъ, ночью на 22 іюня «воры» пошли на приступъ и многіе астраханцы «своровали» въ этотъ моментъ. Только внизу городскихъ башенъ изъ такъ-называемыхъ «подошевныхъ боевъ» шедшихъ на приступъ выстрѣчали огнемъ «пушкари Томило съ товарищи». Находившіеся-же на стѣнахъ астраханцы «воровъ на градную стѣну начаша пріимати», а въ самомъ городѣ кричали «ихъ казачьимъ ясакомъ» и начали убивать «прежде казаковъ сами» и начальныхъ людей, и пушкарей. Воевода былъ раненъ, его братъ разстрѣлянъ. На разсвѣтѣ «воры» ворвались въ соборъ, гдѣ спрятались нѣкоторые жители — преимущественно бояре, дворяне и служилые люди. Здѣсь погибло около полутораста человѣкъ, а истекавшій кровью воевода былъ сброшенъ съ «роската» (колокольни)

Казаки тотчасъ-же принялись за грабежъ; все награбленное свозилось въ Ямгурчѣевъ городокъ, гдѣ и происходилъ «дуванъ». Въ приказной палатѣ взяли государеву казну, пошлинныя деньги, таможенные доходы; разгромили всѣ гостиные дворы — «русской, гилянской (персидскій), индѣйской и бухарской», ограбили купцовъ. Дерзость «воровъ» простиралась до того, что Стенька «въ приказной палатѣ всѣ дѣла государственныя сжегъ» и грозился, что «и въ Верху-де, у государя, дѣла всѣ передеретъ». Ненависть къ бумагѣ, къ дѣламъ, доходила до того, что у сопровождавшаго «кызылбашскаго» посла подъячаго Григорьева, случайно оказавшагося въ Астрахани, тоже были разорваны всѣ бумаги...

Разинъ могъ торжествовать и далъ волю своему дикому нраву. «Стенька Разинъ, ѣздя на конѣ по граду за малое нѣчто досажденіе, овыхъ закалаше, овыхъ-же посѣкаше, а иныхъ въ воду повергаше,

иному-же, руки и ноги отсѣкая, отпущаще». Его примѣръ, конечно, не оставался безъ подражанія и даже казачьи жены стали всячески ругаться надъ женами дворянъ, стрѣлецкихъ сотницовъ и подъячихъ, называя ихъ «измѣнничьими женами и нигдѣ никому мѣста не дающе». Жестокостей творилось такъ много, что даже астраханскіе дѣти стали играть въ казачьи «круги» и казни: били непослушныхъ товарищей палками и вѣшали за ноги, «единаго-же повѣсивша за шею и той умре».

Жонъ служилыхъ астраханцевъ Разинъ отдавалъ своимъ казакамъ «и насильствомъ велѣлъ священникамъ ихъ вѣнчать, по своимъ воровскимъ печатямъ въ неволю, не по архіерейскому благословенію, ругаяся святѣй Божіей церкви и преданію святыхъ отецъ и святыхъ апостолъ, и вмѣняя тое тайну святаго супружества ни во что, а которые священники его вора не слушали, тѣхъ сажалъ въ воду».

Жители Астрахани были приведены къ своеобразной присягѣ: чтобы «за великаго государя стоять и ему, Стенькѣ, и всему войску служить, а измѣнниковъ выводить». Новые царскіе подданные такъ горячо принялись за выводъ «измѣнниковъ», что приходили къ Разину съ просьбой позволить имъ сыскать и побить спрятавшихся дворянъ и приказныхъ, «для того, что какъ отъ великаго государя будетъ въ Астрахань какая присылка, они (спрятавшіеся) имъ (возставшимъ) будутъ первые непріятели». Но Стенька отложилъ это дѣло до своего отъѣзда.

По приводѣ къ присягѣ, астраханское населеніе было обращено въ казачество и устроено по-казацки. Другихъ политическихъ идеаловъ и не существовало на Руси въ ту эпоху — казачье равноправіе, позволявшее даже простому человѣку принимать участіе въ «кругахъ», рѣшавшихъ важнѣйшіе вопросы, казалось людямъ, привыкшимъ къ крѣпостному строю и раболѣпству Московской Руси, величайшимъ изъ благъ земныхъ.

Стенька пробылъ въ Астрахани довольно долго— около мѣсяца.

Есть извѣстія (у иностранцевъ), что Разинъ входилъ въ письменныя сношенія съ тѣмъ самымъ персидскимъ шахомъ, надъ которымъ такъ жестоко посмѣялся въ Рештѣ: предлагалъ ему союзъ. Наконецъ, послѣ 13 іюля, потѣшившись мученіями сыновей убитаго воеводы, Разинъ двинулся вверхъ во Волгѣ. Многіе астраханцы пошли съ нимъ, кто волею, а кто и неволею. Подъ началомъ Разина отправилась цѣлая флотилія въ двѣсти струговъ, а по берегу шло 2000 конницы.

Теперь это была уже не воровская шайка, а явное возстаніе противъ правительства. Разинъ, какъ говоритъ Аверинскій «Хронографъ», пошелъ изъ Астрахани «съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ ему придти во градъ въ Москву и всѣхъ князей и бояръ и знатныхъ людей и все шляхетство россійское побить, искоренить всякое чиноначаліе и власть, и учинить то, чтобъ всякъ всякому былъ равенъ».

Простому люду Московской Руси во второй половинѣ XVII вѣка «зѣло угодися» эти, въ сущности, несложныя и уже не новыя «намѣренія» Стеньки Разина, отвѣчавшія зато затаеннымъ мыслямъ однихъ и раскрывавшія новые горизонты для другихъ. Исходя изъ нѣдръ народа, эти «намѣренія» естественно находились въ глубокой связи со всею психологіей низшихъ классовъ, со всѣмъ ихъ міровоззрѣніемъ.

Первый, ближайшій пунктъ «намѣреній», наиболѣе легко выполнимый и съ такою славою выполненный уже Разинымъ — это грабежъ, разбойничество, неизбѣжно сопровождающее «искорененіе» сильныхъ и великихъ Московскаго государства. Сытно попить, поѣсть, всласть поспать, имѣть возможность «покуражиться» — такая перспектива была неотразима для изнывавшаго отъ «кабалъ», «продажъ» и тягла населенія. Немногіе могли-бы устоять передъ такимъ соблазномъ. Одни изъ злобы, другіе — по слабости,

третьи — потому, что не находили и не могли найти иного выхода для своей удали, иного способа удовлетворить запросы своей широкой натуры. Психологія и физіологія шли здѣсь рука объ руку.

Но Разинъ ставитъ вопросъ шире простого разбоя. Онъ хочетъ «вывести», уничтожить всѣхъ сильныхъ и богатыхъ, имѣетъ дѣло не съ единицами, а съ цѣлыми классами. Разиновцы ставятъ предъ собою задачу коренного соціальнаго переворота, и даже хотятъ упрочить результаты своихъ дѣйствій. Они не только «выведутъ», уничтожатъ богатыхъ и сильныхъ, но и помѣшаютъ имъ появиться вновь. На развалинахъ исторически - сложившагося государственнаго строя они хотятъ водворить равноправіе. Все московское государство рисуется имъ какъ-бы колоссальною сѣчью Запорожской, — съ «кругами», выборною «старшиной», дѣленіемъ на десятки, сотни, тысячи. Конечно, могутъ быть и жить вмѣстѣ и богатые «степенные казаки, и голытьба — «голутвенные», но въ «кругу», при рѣшеніи важныхъ дѣлъ, «всякъ всякому равенъ».

Надо вдуматься въ ту сложную систему государственнаго закрѣпощенія всѣхъ подданныхъ въ разныхъ степеняхъ и видахъ, какая составляла исконную сущность внутренней московской политики, прислушаться къ непрерывнымъ жалобамъ на притѣсненія и разбойничество властей всякаго рода, войти въ психологію народныхъ массъ, на плечи которыхъ ложилась вся тяжесть государственнаго зданія —и тогда будетъ ясно, какимъ откровеніемъ своего рода являлась для русскаго простолюдина XVII в. мысль о возможности водворенія въ крѣпостной Руси царства вольнаго казачества.

Этотъ соблазнъ еще болѣе усиливался, когда во главѣ движенія становился такой истинно-народный герой, какъ Стенька Разинъ. Все было понятно въ немъ для народа: и безпричинная жестокость, и щедрость, и любовь сытно поѣсть и пьяно попить, и личная отвага, и широкая дерзость замысловъ. На мрач-

номъ фонѣ крѣпостного царства, холопьяго усердія, пресмыкательства низшихъ предъ высшими и высшихъ предъ еще болѣе высокими — атаманъ воровскихъ казаковъ сразу принялъ такіе гигантскіе размѣры, что самъ Илья-Муромецъ уступилъ ему первое мѣсто и пошелъ въ «атамановы помощнички», какъ пѣлось въ пѣсняхъ. Фигура атамана окуталась преданіями еще при его жизни — онъ оказался такимъ чародѣемъ, которому достаточно нарисовать углемъ лодку на тюремной стѣнѣ, чтобы очутиться на свободѣ... Въ народномъ воображеніи, въ сознаніи тѣхъ народныхъ массъ, которыя величали «батюшку Степана Тимоѳеевича», при его появленіи, рисовался быть-можетъ никогда не умиравшій въ народной душѣ фантастическій образъ «мужичьяго царя», призракъ котораго мелькалъ уже предъ народными очами, то въ образѣ Грознаго царя Ивана Васильевича, то царевича Димитрія. Тогда ошиблись, можетъ — теперь не будетъ ошибки...

И приходившія къ Разину толпы «повергаху себя ему въ подданство» отъ всего сердца, съ полною вѣрою въ успѣхъ его дѣла, являвшагося вмѣстѣ съ тѣмъ и народнымъ, крестьянскимъ дѣломъ.

Если-бы даже и встрѣтились скептики, сомнѣвающіеся въ возможности преобразовать государство въ казачью ватагу — имъ могли--бы указать на примѣръ сравнительно недавняго прошлаго: на Смутное время, доказавшее возможность соборнаго управленія страной даже и въ «безгосударное время», не говоря уже о соборахъ при царѣ. Была произведена въ Смутное время и еще болѣе близкая къ разиновскимъ идеаламъ попытка: правда, недолго, но все-же существовала боярско-казачья дума — своего рода видоизмѣненный, организованный «казачій кругъ».

Но такихъ скептиковъ не могло и оказаться среди разиноцевъ, переживавшихъ еще первую, смутную стадію развитія своего движенія. Для массы было достаточно обѣщаній вывести бояръ и сжечь государевы бумаги. Это значило, что крѣпостное право рухнетъ со

всѣми его послѣдствіями. Не будетъ бояръ—значитъ не за кѣмъ закрѣпляться, не будетъ бумагъ — значитъ исчезнутъ всѣ крѣпостные документы...

Но всего сильнѣе должно было подѣйствовать то обстоятельство, что подъ «намѣреніями» Разина была твердая фактическая почва. Въ Царицынѣ и Астрахани — бояре, по мѣрѣ возможности, «выведены» и бумаги сожжены, на мѣсто стараго приказнаго строя — введенъ новый, казачій. «Товарищи» Разина изъ «голутвенныхъ» стали богачами...

Все содѣйствовало успѣху Разина и движеніе разливалось. Оправдывалось крылатое слово какого-то Кирѣя Матвѣева, сказавшаго: «шелъ Стенька съ Хвалынскаго моря и отнялъ у него бояринъ Прозоровской шубу, и та шуба зашумѣла по Волгѣ».

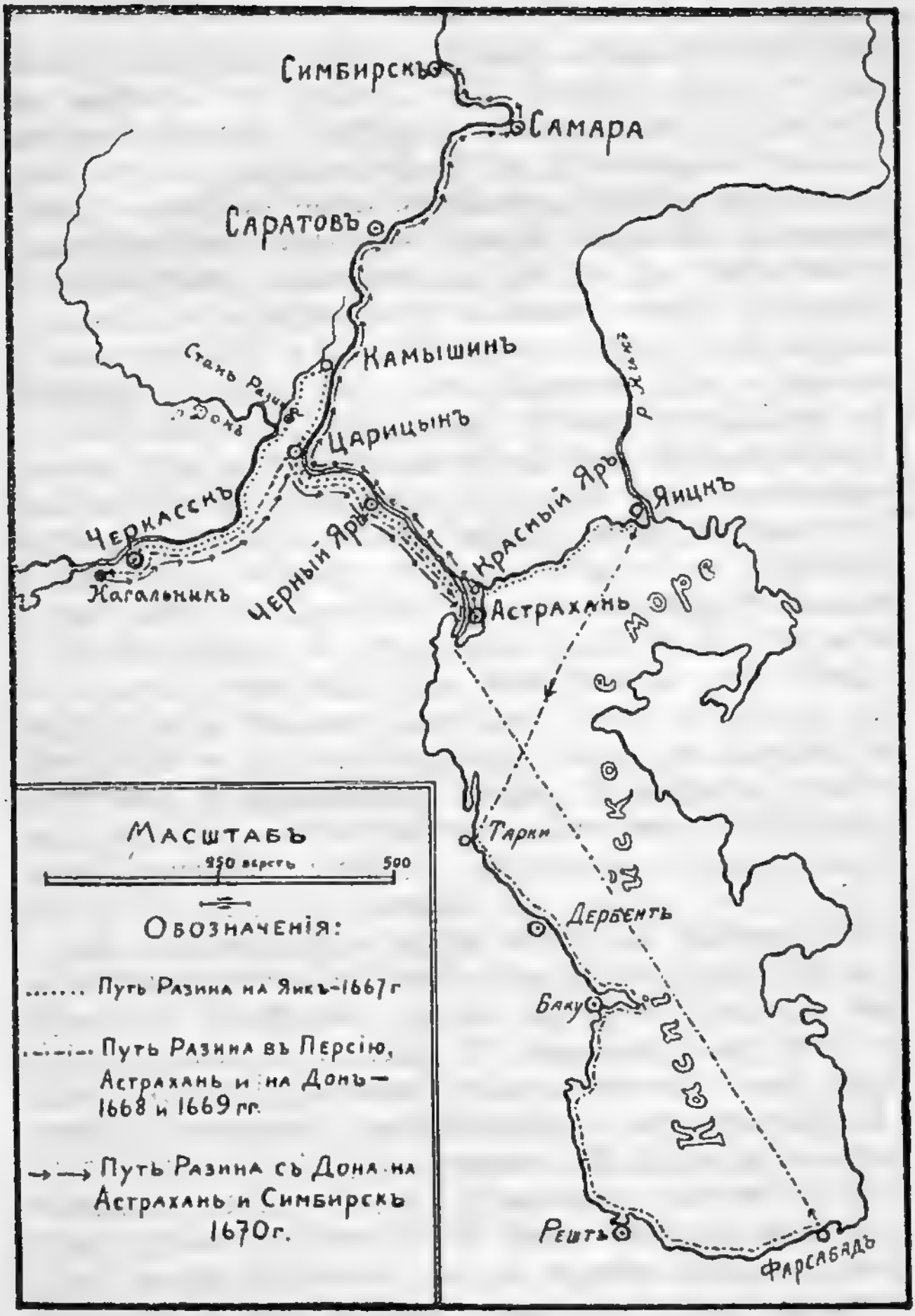
III.

Конецъ Стеньки Разина.

1670—1671.

Первая остановка Разина была въ Царицынѣ. Любопытно отмѣтить, что здѣсь были у Стеньки особые друзья: монахи Троицкаго монастыря Іосифъ и Ароинъ, особенно послѣдній. Отсюда Разинъ отправилъ на Донъ награбленную имъ казну подъ охраною большого казачьяго отряда, а затѣмъ направился дальше. Саратовъ и послѣ нѣкотораго сопротивленія Самара — сдались. И здѣсь была произведена реформа управленія — жители подѣлены на десятки и сотни, поставлены атаманы изъ казаковъ.

Разсылка «прелестныхъ листовъ» шла безостановочно и достигла очень широкихъ размѣровъ —подосланные Разинымъ люди оказывались даже на берегахъ Бѣлаго моря, въ далекой Карелiи. Пропаганда бунта повсюду падала на готовую, хорошо удобренную почву. «Въ самой Москвѣ, — какъ разсказываетъ современникъ, — нѣкоторые открыто стали хвалить его (Разина), какъ человѣка, заботящагося объ общемъ



Карта походовъ Стеньки Разина.
1667—1670 гг.

благѣ и свободѣ народа. Одинъ пожилой человѣкъ, на вопросъ, что дѣлать, если Стенька подойдетъ къ столицѣ Москвѣ, отвѣчалъ, что народъ долженъ выйти ему навстрѣчу съ хлѣбомъ-солью». Этотъ человѣкъ былъ повѣшенъ, какъ и попавшійся властямъ «подсыльщикъ» Разина. Хотя изъ русскихъ историческихъ памятникахъ ничего не извѣстно о бунтахъ въ окрестностяхъ Москвы, но два современника-иностранца указываютъ, что «пламя возмущенія» вспыхнуло всего въ 12-ти верстахъ отъ столицы.

По словамъ Хронографа, Разинъ «посылалъ въ разные городы и мѣста по чертѣ свою братью воровъ съ воровскими письмами, и писалъ въ воровскихъ письмахъ будто съ нимъ, воромъ, сынъ великаго государя благовѣрный государь царевичъ и великій князь Алексѣй Алексѣевичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи. И будто по указу великаго государя онъ идетъ съ нимъ Волгою отъ Астрахани и подъ Москву, для того, чтобъ побить на Москвѣ и въ городѣхъ бояръ, и думныхъ, и ближнихъ, и приказныхъ людей, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и стрѣльцовъ, и солдатъ, и всякаго чину служилыхъ людей, и торговыхъ, и людей боярскихъ, будто за измѣну».

Въ подтвержденіе этихъ словъ, въ флотиліи Разина плылъ обитый краснымъ бархатомъ стругъ, на которомъ и находился, яко-бы царевичъ Алексѣй, въ дѣйствительности умершій 17 января того-же 1670 г. «Для успѣшнѣйшаго-же распространенія этой выдумки, — говоритъ современникъ, — онъ распустилъ слухъ, что сей государь-царевичъ бѣжалъ отъ насильственныхъ рукъ бояръ и важныхъ господъ и пріютился у него». Тѣмъ легче было повѣрить этой выдумкѣ вслѣдствіе того, что на стругѣ дѣйствительно находился, если вѣрить современнику-иностранцу, «юноша лѣтъ шестнадцати, потомокъ одного изъ пятигорскихъ черкесскихъ князей», захваченный Разинымъ въ плѣнъ. Были даже люди, видѣвшіе этого

«царевича», — одного изъ нихъ повѣсили въ Смоленскѣ.

«Зловредныя выдумки» Разина не ограничивались, однако, этимъ: шелъ по Волгѣ со Стенькой и другой стругъ, обитый чернымъ бархатомъ, въ которомъ находился будто-бы лишенный сана патріархъ Никонъ. У Разина были, повидимому, какія-то сношенія съ Никономъ, но въ чемъ они заключались — неизвѣстно и самъ Никонъ отпирался отъ нихъ. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей «Разиновщины», профессоръ Н. Н. Ѳирсовъ видитъ въ этомъ «крупную политическую ошибку» Разина, такъ какъ Никонъ «былъ непопуляренъ въ народѣ». Но здѣсь едва-ли можно говорить о «политической ошибкѣ». Разинъ шелъ на Москву водворять справедливость: онъ везъ съ собою якобы изгнаннаго боярами царевича, и присутствіе съ нимъ патріарха — тоже пострадавшаго отъ бояръ — было вполнѣ естественно, должно было лишь усиливать впечатлѣніе отъ «соблазна». Патріархъ Никонъ, каковъ-бы онъ ни былъ со старообрядческой и вообще церковной точки зрѣнія, все-же оставался крупнымъ государственнымъ дѣятелемъ, которому тоже тѣсно было въ приказной московской атмосферѣ. Историкъ войска донского Рингельманъ полагаетъ, что Никонъ былъ выдуманъ Разинымъ для возмущенія духовныхъ лицъ — и ниже мы увидимъ, какъ много духовныхъ лицъ приняло участіе въ «Разиновщинѣ».

Но больше всего привлекало къ Стенькѣ, конечно, именно то, что «людемъ воры говорили»:

— Мы идемъ, чтобъ бояръ побить, а вамъ дадимъ жить многіе льготные годы.

Обѣщанія льготъ были самымъ могущественнымъ и уже испытаннымъ при второмъ Лжедимитріи средствомъ пропаганды.

Московское правительство обезпокоилось и 1-го августа распорядилось мобилизовать служилыхъ людей противъ Стеньки подъ командой Ю. А. Долгорукаго и К. О. Щербатова. Но отпускъ этого ополченія

состоялся лишь 28-го августа, а Разинъ 4-го сентября былъ ужъ подъ Симбирскомъ, гдѣ и рушились всѣ его надежды.

Въ Симбирскѣ воеводой сидѣлъ окольничій И. Б. Милославскій со сравнительно небольшимъ гарнизономъ. 31-го августа на помощь къ нему пришелъ товарищъ казанскаго воеводы князь Ю. Н. Борятинскій, но и у него было немного людей — всего два полка въ 1800 человѣкъ, да и тѣ безъ «начальныхъ людей», которые, получивъ впередъ жалованье, не особенно торопились въ свои полки. Борятинскій хотѣлъ загородить Разину путь къ Симбирску, но не могъ. Съ утра и до вечера длился бой и кончился ничѣмъ. На утро 5-го сентября, симбирскіе «пригородышные» жители «великому государю измѣнили и съ воровскими казаками не бились и вору Стенькѣ острогъ новой сдали». Городъ оказался, такимъ образомъ, въ рукахъ Стеньки, но Милославскій заперся въ кремлѣ. Борятинскій пытался оказать помощь Милославскому, но не могъ ничего сдѣлать вслѣдствіе отсутствія у него пѣхоты и, «видя, что безъ пѣхоты съ нимъ дѣлать нечего», отступилъ къ Тетюшамъ.

Цѣлый мѣсяцъ почти простоялъ Стенька Разинъ подъ Симбирскомъ. При всемъ своемъ многолюдствѣ, онъ никакъ не могъ одолѣть Милославскаго. Симбирцы стойко выдерживали «приступы самые жестокіе». Силы Разина все увеличивались: теперь у него было уже по двадцати тысячъ человѣкъ, но въ массѣ это были люди необученные ратному дѣлу и притомъ еще инородцы: татары, мордва, черемисы, чуваши.

Милославскій просилъ помощи у казанскаго воеводы князя П. С. Урусова, но тотъ медлилъ. Борятинскій долго дожидался Урусова въ Тетюшахъ, но тотъ самъ не пошелъ, а снова послалъ къ Симбирску Борятинскаго. Выдержавъ по дорогѣ четыре сраженія съ воровскими казаками и возставшимъ населеніемъ, Борятинскій 1-го октября былъ уже на рѣкѣ Свіягѣ въ двухъ верстахъ отъ Симбирска.

Разинъ вышелъ къ нему навстрѣчу. Враги сошлись «и учинили бой», настолько ожесточенный, что «люди въ людѣхъ мѣшались», самъ Стенька былъ «рубленъ саблею и застрѣленъ изъ пищали въ ногу», такъ что едва ушелъ живымъ отъ насѣдавшаго на него алатырца Семена Степанова. Борятинскому достались съ бою четыре пушки, литавры и четырнадцать знаменъ.

Разинъ ушелъ къ Симбирску и заперся въ новомъ городѣ, въ острогѣ, окопанномъ земляным валомъ.

Наступило роковое для Разина 3 октября 1770 года. Борятинскій подошелъ къ Симбирску и освободилъ Милославскаго. Военныя дѣйствія не имѣли, однако, рѣшительнаго характера и если-бы не хитрость Борятинскаго — неизвѣстно, чѣмъ кончилось-бы дѣло. При наступленіи ночи Борятинскій послалъ одинъ изъ своихъ полковъ за Свіягу, чтобы сильнымъ крикомъ напугать Разина и удержать его отъ ночной атаки на Симбирскъ.

Разинъ перепугался больше, чѣмъ разсчитывалъ Борятинскій. Раненый въ ногу и въ голову, потерпѣвшій жестокое пораженіе, быть-можетъ убѣдившійся въ невозможности добиться успѣха съ толпою необученныхъ крестьянъ — онъ рѣшилъ бѣжать со своими донцами, оставивъ остальныхъ раздѣлываться съ царскими войсками. Заявивъ, что онъ съ донцами идетъ на вновь прибывшихъ ратныхъ людей къ Свіягѣ, Разинъ пробрался въ темнотѣ къ Волгѣ, сѣлъ въ струги и уѣхалъ.

Между тѣмъ Борятинскій со своею пѣхотой ударилъ на обозъ Разина, а симбирцамъ удалось поджечь острогъ, занятый ворами, и ворваться въ него. Мятежники бросились въ бѣгство, потерявъ массу убитыхъ и пятьсотъ плѣнныхъ, которые тотчасъ-же были казнены.

«Эта побѣда чрезвычайно важна, — говоритъ Н. И. Костомаровъ. — Можно сказать, что Борятин-

скій, одержавъ ее, спасъ русскій престолъ». «Гостьба казаковъ въ Астрахани, упорная защита Симбирскаго городка Милославскимъ и побѣда Борятинскаго погубили Стеньку и его дѣло», читаемъ у С. М. Соловьева.

Эти мнѣнія совершенно справедливы. Паденіе Симбирска открыло-бы для Разина дорогу на Казань и — черезъ Нижній — въ Москву. Съ каждымъ новымъ шагомъ было-бы все труднѣе и труднѣе съ нимъ справиться: народное возстаніе кипѣло уже повсюду на протяженіи отъ Симбирска до Нижняго и отъ московскихъ ратныхъ людей потребовалось большое напряженіе силъ, чтобы прекратить этотъ мятежъ, даже тогда, когда Разинъ былъ уже разбитъ... Но Разинъ былъ плохой полководецъ. Онъ привыкъ къ казацкимъ дѣйствіямъ, къ «налетамъ» и «наскокамъ» — правильно организованная осада города оказалась ему не подъ силу. Да и самое его «войско» тоже неспособно было къ веденію осадной войны, такъ что и болѣе талантливому стратегу было-бы, пожалуй, трудно добиться боевой выдержки отъ этихъ пестрыхъ толпъ... Словомъ, всѣ обстоятельства дѣла круто измѣнились и роль Стеньки была сыграна. «Разиновщина» продолжалась еще, но Разина — какъ вдохновителя и предводителя — уже не существовало, не находилось и достойнаго его замѣстителя.

Бѣгство Стеньки на Донъ изъ-подъ Симбирска, конечно, было ошибкою, погубившею все его дѣло. На Дону его ожидали неудачи, а вокругъ Симбирска — вверхъ по Волгѣ — разливалось серьезное революціонное движеніе, которому не доставало только предводителя. Если-бы Разинъ появился именно здѣсь — ходъ дѣла оказался-бы совершенно инымъ. Подъ вліяніемъ-ли страха или просто вслѣдствіе недостаточной культурности, но Стенька совершилъ подъ Симбирскомъ промахъ, ясно указавшій на его неподготовленность въ качествѣ вождя соціальнаго движенія. Принципы, заявленные Разинымъ и одно его

имя, оказывались сильнѣе самого Стеньки. Въ этомъ и заключается вся драма «Разиновщины».

Итакъ Стенька бѣжалъ. Самарцы и саратовцы не хотѣли и видѣть своего недавняго покорителя. Лишь въ Царицынѣ могъ залѣчить Разинъ свои раны, прежде чѣмъ вернуться на Донъ. Надежда на возможность новыхъ успѣховъ не оставила его однако: онъ разсчитывалъ собрать на Дону новыхъ удальцовъ.

Но на Дону повѣяло уже инымъ духомъ. Вѣроятно, вскорѣ по уходѣ Стеньки подъ Царицынъ, весною 1670 года, степенные казаки послали въ Москву «станицу», но казаковъ въ Москвѣ приняли очень круто: не повѣрили ихъ словамъ и «для того» сослали ихъ въ Холмогоры. Въ маѣ того-же 1670 г. явился въ Москву атаманъ Михайло Самаренинъ, съ которымъ обходились уже милостивѣе. 8-го іюля была отправлена изъ Москвы на Донъ милостивая грамота, увѣщавшая казаковъ «въ прежнемъ постоянствѣ быти» и обѣщавшая, что когда «воровскія ссоры на Дону престанутъ и казаки въ послушаніи будутъ», — то имъ доставятъ и задержанные въ Воронежѣ запасы. Вскорѣ — вѣроятно, въ сентябрѣ того-же года — на Донъ была послана новая грамота. Прочитавъ ее въ кругу, атаманъ Корнило Яковлевъ «трижды со слезами» говорилъ:

— Мы отъ вѣры христіанской и соборной и апостольской церкви отступили. Пора намъ вспокаяться и дурость отложить, и великому государю служить по-прежнему.

Степенные казаки тутъ-же стали выбирать въ Москву «станицу», но приверженцы Стеньки—такъ-называемые «волжскіе казаки», были сильны еще, они воспротивились и стали кричать, напоминая весеннія событія того-же года:

— Зачѣмъ посылать станицу къ Москвѣ? Развѣ въ воду похотѣли, которые поѣдутъ!

Посылка «станицы» такъ и не состоялась, но стремленіе «дурость отложить» не заглохло. Напро-

тивъ — неудача Разина подъ Симбирскомъ стала создавать на Дону враждебное къ нему настроеніе, надъ чѣмъ, конечно, усердно старались «степенные» казаки».

Отсидѣвшись въ Царицынѣ, Разинъ явился на Донъ въ свой городокъ, разсылалъ по станицамъ «воровскія» воззванія, сносился съ астраханскими своими сообщниками, но дѣло не ладилось и въ ярости Разинъ даже сжегъ въ печи нѣсколькихъ «православныхъ христіанъ».

Между тѣмъ московское правительство вступало въ сношенія даже съ запорожцами, пытаясь привлечь ихъ къ участію въ подавленіи возстанія. По царскому указу гетманъ Игнатовичъ послалъ въ сентябрѣ 1670 г. тысячу запорожцевъ подъ Бѣлгородъ къ князю Г. Г. Ромодановскому. Полковникъ Петръ Дорошенко, добивавшійся гетманства, тоже предлагалъ свои услуги «наговорить» Разина въ подданство государю «по прежнему».

Но въ 1671 году событія получили иной ходъ. Въ февралѣ Разинъ съ немногими своими сообщниками пришелъ къ резиденціи Корнила Яковлева — Черкасску. Онъ стоялъ подъ Черкасскомъ недѣлю и казаковъ «всякими своими воровскими прелестьми прельщалъ, чтобъ ему лестью войтить въ городъ и ихъ страшилъ побить, а въ войску учинить многую смуту». «Стояніе» не привело, однако, ни къ какимъ результатамъ и Разинъ долженъ былъ уйти ни съ чѣмъ.

Этотъ «походъ» Разина рѣшилъ его участь. Корнило Яковлевъ со «степенными» казаками отписалъ обо всемъ въ Москву. Угрозы Разина произвели свое дѣйствіе и «степенные» казаки рѣшились даже на такую крайнюю мѣру, опасную вообще для существованія донскаго войска, какъ просьба о ратной помощи. Намъ «за малодюдствомъ не токмо надъ нимъ, воромъ, и надъ его единомышленники промыслу учинить, и себя уберечь некѣмъ», — писалъ 28 февраля

Корнило Яковлевъ. Вслѣдствіе этой просьбы на Донъ былъ посланъ полковникъ Григорій Косаговъ съ двухтысячнымъ отрядомъ рейтаръ и драгунъ.

Отписка Корнилы Яковлева пришла въ Москву въ началѣ марта. 12 марта, на первой недѣлѣ Великаго поста, царь созвалъ освященный соборъ съ патріархомъ во главѣ, сообщилъ полученныя съ Дону новости, что Разинъ «отъ злобы своей не престаетъ и на святую церковь воюетъ тайно и явно», и просилъ совѣта, что дѣлать. Патріархъ предложилъ проклясть «богоотметника» и «святой церкви обругателя» и въ тотъ-же день, соборне, изрекъ «анаѳему» на Разина.

Стенька сидѣлъ, между тѣмъ, со своими сообщниками въ Кагальницкомъ городкѣ, продолжая сноситься съ «товарищами» астраханцами и, повидимому, выжидая удобнаго времени, чтобы идти въ Астрахань. Но онъ такъ и не дождался: 14-го апрѣля 1671 г. донскіе казаки арестовали его вмѣстѣ съ братомъ Фролкой, сожгли Кагальницкій городокъ и, по приговору войсковаго суда, повѣсили главныхъ его сообщниковъ. Источники даютъ разнорѣчивыя показанія относительно способа, какимъ былъ взятъ Разинъ. Иностранцы-современники говорятъ, что его взяли обманомъ: Корнило Яковлевъ заявилъ, что получилъ отъ царя милостивую грамоту, прощающую Стенькѣ всѣ его вины; по другимъ — русскимъ источникамъ — Разинъ былъ взятъ силою.

И вотъ человѣкъ, — который въ случаѣ удачи, «безъ сомнѣнія, сдѣлался-бы и остался-бы замѣчательнымъ государемъ», какъ писалъ одинъ изъ иностранцевъ, — былъ «связанъ ужемъ желѣзнымъ» и отправленъ въ Москву въ сопровожденіи самого атамана войска донского — Корнила Яковлева.

4-го іюня толпы москвичей собрались смотрѣть на въѣздъ «батюшки» Степана Тимоѳеевича. Онъ былъ одѣтъ въ лохмотья и привязанъ цѣпью къ висѣлицѣ, поставленной на телѣгѣ. За телѣгой шелъ

Фролка, привязанный на цѣпи, какъ собака. Тотчасъ-же начался допросъ и пытки. Записи о пыткахъ, такъ-называемыя «пыточныя рѣчи» до насъ не дошли. Приговоръ по дѣлу Разина упоминаетъ, однако, что Стенька и Фролка «на пыткѣ въ томъ своемъ воровствѣ винились;» изъ дѣла патріарха Никона извѣстно также, что Разинъ говорилъ на пыткѣ, будто-бы Никонъ подсылалъ къ нему монаха. Большинство иностранныхъ современниковъ указываетъ, что Разинъ ничего не говорилъ на пыткахъ, но одинъ изъ нихъ, напротивъ, утверждаетъ, что именно на пыткѣ Разинъ и выставилъ предлогомъ къ бунту казнь княземъ Ю. А. Долгорукимъ его брата.

По словамъ иностранцевъ, Стенька вообще сохранялъ во время пытки присутствіе духа. Онъ утѣшалъ болѣе слабаго духомъ брата Фролку и даже острилъ. Когда у Стеньки и Фролки стали брить головы, чтобы пытать посредствомъ капанія на голову холодной воды — Разинъ сказалъ будто-бы брату:

— Часто слыхалъ я, что въ попы постригаютъ только ученыхъ людей. Мы съ тобой — неучи, а намъ все-же честь оказываютъ: постригаютъ насъ.

6 іюня 1671 года Стеньку и Фролку поставили на лобномъ мѣстѣ, на Красной площади, и прочли длинный приговоръ, перечисляющій ихъ вины. За всѣ ихъ «злыя и мерзкія предъ Господомъ дѣла», за «измѣну» государю и «за разоренье» Московскому государству — «по указу великаго государя бояре приговорили»: «казнить Стеньку злою смертію, четвертовать», а Фролкѣ — «голову отсѣчь». По словамъ современника, Разинъ «вовсе не казался смущеннымъ и не произнесъ ни одного слова, а только низко поклонился. Когда-же палачъ намѣревался приступить къ исполненію своей обязанности, то онъ (Разинъ) перекрестился нѣсколько разъ, обращаясь лицомъ къ церкви, называемой Пречистыя Божіей Матери Казанской (соборъ Василія Блаженнаго). Затѣмъ онъ поклонился трижды, на три стороны, собравшемуся

вокругъ народу, говоря: «прости». Немедленно его положили межъ двухъ бревенъ и отрубили правую руку по локоть, и лѣвую ногу по колѣно; послѣ того ему отсѣкли топоромъ голову. Все это было сдѣлано съ большой поспѣшностью въ весьма короткое время».

Фролка не былъ казненъ, такъ какъ объявилъ «государево слово» и впослѣдствіи разсказалъ о зарытыхъ будто-бы Стенькой кладахъ, которые безплодно разыскивались въ сентябрѣ того-же года.

Голова и части туловища Разина долгое время оставались выставленными на кольяхъ на Болотной площади: еще въ 1675 г. ихъ осматривалъ голландецъ Койэтъ.

Такъ кончилъ свои дни удалой донской атаманъ — безъ сомнѣнія, одинъ изъ выдающихся по энергіи людей XVII вѣка. Его обвѣянная дымкою легендъ мощная фигура съ трудомъ поддается психологическому анализу, главнымъ образомъ, по отсутствію данныхъ для такой характеристики.

Видѣвшій Разина въ Астрахани въ 1670 г. Стрюйсъ говоритъ, что одно время Стенька «казался болѣе справедливымъ, чѣмъ безчеловѣчнымъ». Н. И. Костомаровъ, напротивъ, изображаетъ его въ концѣ-концовъ, какъ «изверга рода человѣческаго». Для своей поистинѣ темной и кровавой эпохи Разинъ, въ сущности, не былъ извергомъ. Русскій бытъ XVII вѣка, а въ особенности бытъ народный, были полны того-же кроваваго удальства и тѣхъ-же насилій, какими отличался и Разинъ. Разница была только въ томъ, что Стенька насиловалъ тѣхъ, кто главнымъ образомъ являлся насильникомъ въ отношеніи народа — бояръ, богатыхъ и сильныхъ людей. С. М. Соловьевъ справедливо говоритъ, что на Руси XVII в. самое сильное обаяніе на толпу можно было произвести именно «широкостью размѣровъ во всемъ, чудовищною силою, чудовищною властію». И Стенька Разинъ—«человѣкъ, которому все было нипочемъ, который не сдерживался

ничѣмъ, никакими привязанностями, никакими отношеніями, который дикими выходками своего произвола озадачивалъ, оцѣпенялъ простого человѣка», — долженъ былъ производить особенно сильное впечатлѣніе.

Стенька Разинъ — это воскресшій богатырь древняго былиннаго эпоса, со всѣми присущими древнимъ богатырямъ качествами, дѣлавшими ихъ достойными народной любви. Но — какъ богатырь новой, не вѣчевой, а царской Руси — Разинъ ставитъ себѣ и новыя задачи: вмѣсто Змѣя-Горыныча и «злыхъ татаровьевъ» — передъ нимъ новый народный врагъ: крестьянское рабство и поддерживающіе его бояре-«измѣнники». Онъ — мститель за все зло, которое вѣками терпѣла отъ богатыхъ и сильныхъ народная спина. Необразованный, выросшій среди своевольничанья казаковъ, онъ нерѣдко, особенно спьяна, бываетъ жестокъ безъ всякой надобности. Но упрекать его за это не приходится: жестокость была возведена въ систему не только въ народномъ быту, но и въ быту высшихъ классовъ, даже въ самомъ государственномъ строѣ. Если разиновцы начиняли женщинъ порохомъ и взрывали, то правительственныя учрежденія охотно прибѣгали къ пыткамъ: жгли огнемъ, поднимали на дыбы и виски не только дѣйствительныхъ преступниковъ, но и людей «оговоренныхъ» по злобѣ или просто оклеветанныхъ. Жестокость была въ нравахъ эпохи.

Въ томъ-то и секретъ Разиновскаго обаянія, что онъ съ головы до пятъ народный герой, въ которомъ все понятно народу, въ которомъ съ бо́льшею яркостью, чѣмъ въ повседневной жизни, отразилась протестующая свободолюбивая народная душа, какова-бы она ни была, со всѣми ея недостатками. Загадочное «прости, народъ православный», съ которымъ умеръ Разинъ — было какъ-бы заключительнымъ аккордомъ его буйной жизни. Мы не знаемъ, въ чемъ просилъ онъ прощенія. Въ томъ-ли, что, понадѣявшись на свои силы, затѣялъ непосильное для него дѣло, или про-

сто въ томъ, что причинилъ — прямо и косвенно — много зла, но народъ несомнѣнно понялъ его и простилъ. Народная легенда создала изъ Разина образъ мстителя, карателя за грѣхи, истолковала его съ религіозной точки зрѣнія. За свои грѣхи Разинъ обреченъ на муки, какъ разсказываетъ легенда, но въ то-же время онъ являлся карой Божьей, онъ придетъ и снова станетъ бушевать, когда «люди Бога станутъ забывать и сальныя свѣчи зажгутъ вмѣсто восковыхъ предъ образами». Такое истолкованіе Степьки еще разъ подтверждаетъ, какъ онъ близокъ былъ народной душѣ, какъ много было въ немъ народнаго.

IV.

„Разиновщина“ безъ Разина.

1670—1671.

Со времени первыхъ приступовъ Разина къ Симбирску — исторія «разиновщины» какъ-бы раздвояется, принимаетъ два теченія. Одно изъ нихъ — тѣсно связанное съ судьбою самого Разина — читателямъ уже извѣстно изъ предшествовавшей главы. Другое теченіе — возстаніе Поволжья — протекаетъ какъ-бы независимо отъ осады Симбирска и носитъ очень яркій характеръ соціальнаго переворота въ духѣ разинскихъ «прелестныхъ» листовъ. Выдающихся предводителей здѣсь почти незамѣтно; нерѣдко одною бандой управляютъ нѣсколько атамановъ. Военная подготовка возставшихъ еще меньше, чѣмъ у «войска» самого Разина, но за-то у нихъ больше злобы и настойчивости. Казачій элементъ, составлявшій ядро «войска» Разина, здѣсь значительно меньше, но за-то въ движеніи принимаютъ большое участіе крестьяне, инородцы и даже представители духовенства и служилыхъ ратныхъ людей.

Движеніе въ началѣ разливается довольно широко, но, въ общемъ, остается совершенно безплоднымъ и скоро затихаетъ.

Къ сожалѣнію, сколько-нибудь ясной и полной картины хода этой «разиновщины безъ Разина» дать невозможно. Дѣло въ томъ, что переписка съ московскимъ правительствомъ по управленію Поволжьемъ и Заволжьемъ была сосредоточена въ московскомъ «Приказѣ Казанскаго дворца», архивы котораго сгорѣли въ 1701 году со всею перепиской по дѣлу усмиренія возставшихъ мѣстностей. Въ частномъ собраніи рукописей — у П. Ѳ. Карабанова — оказался напечатанный А. Н. Поповымъ, въ его «Матеріалахъ для исторіи возмущенія Стеньки Разина», «столбецъ» на 310 листкахъ, содержащій нѣкоторые документы изъ переписки объ усмиреніи возставшихъ и являющійся основнымъ матеріаломъ для изложенія хода возстанія. Но этотъ «столбецъ» крайне неполонъ; въ немъ самомъ есть ссылки на документы для насъ утраченные.

Такимъ образомъ, всѣ свѣдѣнія о дѣйствіяхъ бунтовщиковъ приходится почерпать изъ переписки съ Москвою и между собою воеводъ, подавлявшихъ возстаніе, но даже и картина военныхъ дѣйствій противъ мятежниковъ не можетъ быть представлена съ достаточною полнотою. Ясно лишь одно, что борьба съ «ворами» потребовала отъ московскихъ воеводъ и ратныхъ людей большого напряженія. Очень часто очищенные отъ «воровъ» города и мѣстности снова поднимались по уходѣ ратныхъ людей. Побѣды надъ необученными военному дѣлу толпами крестьянъ и инородцевъ давались сравнительно легко: бунтовщики скоро «били челомъ», приводились къ присягѣ, наиболѣе виновные наказывались, но проносился фантастическій слухъ о близости Разина — и повинившіеся столь-же легко переступали присягу. «Хронографъ» вѣрно рисуетъ психологическое состояніе массъ въ возставшихъ мѣстностяхъ. «Гдѣ скажутъ (что воры) великаго государя войско побили и люди тому радовались, а какъ скажутъ, что воровъ великаго государя ратные люди побили, и люди станутъ унылы лицомъ и печальны о воровской погибели». Населе-

ніе било челомъ царскимъ воеводамъ и присягало, подчиняясь силѣ, запуганное кровавыми расправами, но его симпатіи оставались на сторонѣ «воровъ». Этимъ объясняется и упорство возставшихъ и легкость, съ какою мобилизовались многочисленныя сборища.

Программа движенія оставалась все тою-же и выполнялась строго: «ѣздятъ воровскіе казаки по уѣздамъ, рубятъ они помѣщиковъ и вотчинниковъ, за которыми крестьяне, а черныхъ людей никого не рубятъ и не грабятъ. Какъ указываетъ С. М. Соловьевъ, возставшіе собирали съ крестьянъ любопытный «революціонный налогъ» — по мужику съ каждаго дома, пополняя такимъ образомъ число возставшихъ.

«Прелестныя» грамоты Разина, конечно, пользовались здѣсь широкимъ обращеніемъ. Въ нихъ писалось, «чтобъ черные люди крестъ цѣловали государю царевичу Алексѣю Алексѣевичу и батюшкѣ нашему», причемъ подъ именемъ «батюшки» теперь разумѣлся уже не самъ Разинъ, а «бывшій Никонъ патріархъ».

Особенною напряженностью отличалось движеніе въ предѣлахъ современныхъ губерній Симбирской, Казанской, Нижегородской, Пензенской и Тамбовской. Здѣсь въ рукахъ возставшихъ оказались многіе города (см. карту). Зарождалось движеніе и южнѣе — въ Харьковской и Воронежской губерніяхъ. Но не было предводителя, не было мощной фигуры Стеньки Разина, способной увлечь за собою толпы, одухотворить ихъ и сплотить въ стройныя массы. Дерзость дѣйствовавшихъ здѣсь атамановъ и даже полу-легендарный обликъ своего рода «амазонки» — атамана-монахини, не могли замѣнить настоящаго предводителя. Но «если-бы эта армія бунтовщиковъ, состоящая изъ двухсотъ тысячъ человѣкъ была сплочена и единодушна, то войскамъ царя было-бы трудно противодѣйствовать ей и одолѣть ее», какъ говоритъ современникъ-иностранецъ.

Карта возстанія въ Поволжьи.

1670—1671 гг.

Отсутствіе предводителя и хоть сколько-нибудь опредѣленнаго плана дѣйствій, зимнее время, жестокость усмирителей, неумѣніе выдерживать боевой натискъ и невѣжественность въ ратномъ дѣлѣ — все это должно было сломить сопротивленіе возставшихъ въ концѣ-концовъ, какъ-бы упорны и ожесточены они не были.

Жестокостямъ возставшихъ были противопоставлены жестокости усмирителей. «Посредствомъ вѣшанія, сожиганія, обезглавленія и иного рода казней (не считая одиннадцати тысячъ казненныхъ руками палачей) и убіеніемъ около ста тысячъ человѣкъ на полѣ сраженія» были «приведены въ прежнее спокойное состояніе» возставшія мѣстности, говоритъ авторъ «Извѣстія о бунтѣ». Главная квартира Долгорукаго — Арзамасъ — была свидѣтельницею массовыхъ казней. Цитируемый авторъ-иностранецъ такъ описываетъ это мѣсто суда: на него «было страшно смотрѣть: оно походило на преддверіе ада. Кругомъ стояли висѣлицы; на каждой изъ нихъ висѣло человѣкъ сорокъ-пятьдесятъ. Въ другомъ мѣстѣ валялось множество обезглавленныхъ, плавающихъ въ крови. Въ разныхъ мѣстахъ находились посаженные на колъ, изъ которыхъ не мало оставалось живыми до трехъ сутокъ, и слышны были ихъ голоса»... Сверхъ казней примѣнялось для возставшихъ и другое наказаніе: «заворовавшія» села и деревни выжигались до-тла, иногда даже съ жителями.

Энергія воеводъ и общая жестокость ратныхъ людей были вполнѣ понятны психологически. Усмиряя возстаніе «черныхъ людей», служилые классы не могли не чувствовать, что, защищая интересы государственные, они вмѣстѣ съ тѣмъ защищаютъ и самихъ себя, отстаиваютъ и свои интересы, въ корнѣ противоположные интересамъ крѣпостной массы русскаго люда и жестоко притѣсняемаго инородческаго населенія. Не менѣе понятны были и тотчасъ-же нарушавшіяся присяги яко-бы покаявшихся «воровъ». Обманывать правительство, стараться всячески «отбыть»

отъ повинностей — было естественною, исторически-сложившеюся формою народной оппозиціи и до сихъ поръ не исчезнувшею еще изъ народной психологіи. Возможное по состоянію матеріаловъ описаніе хода военныхъ операцій царскихъ войскъ не представляетъ, само по себѣ большого интереса. 1 сентября 1670 г. изъ Москвы были отправлены на Волгу войска подъ начальствомъ князей Юрія Долгорукаго и товарищей при немъ—князя Константина Щербатова и думнаго дворянина Ѳедора Леонтьева. Эти войска и составили такъ-сказать главный карательный отрядъ. До прибытія на мѣсто этого отряда противъ бунтовщиковъ дѣйствовалъ казанскій воевода князь Петръ Урусовъ со своими товарищами-князьями Юріемъ и Данилой Борятинскими. Урусовъ, повидимому, былъ неспособенъ къ воеводству и своею медлительностью далъ возможность бунту разлиться шире. Его обвиняли въ томъ, что онъ не пришелъ во время къ осажденному Разинымъ Симбирску. Если-бы это было сдѣлано, то «вору Стенькѣ Разину съ воровскими казаками утечь было некуды; и черта-бъ была вся въ цѣлости, городы Алаторь и Саранскъ и иные городы и уѣзды до конца-бъ разорены не были». На это «нерадѣніе» казанскаго воеводы въ Москвѣ обратили вниманіе и еще въ сентябрѣ 1670 года послали ему указъ: сдать свои полки Долгорукому, а самому ѣхать къ Москвѣ, приказавъ князьямъ Юрію и Данилѣ Борятинскимъ быть въ товарищахъ у Долгорукаго. Но Урусовъ упорно не исполнялъ этого, а Долгорукій и Борятинскій, хотя и знали объ указѣ, но не рѣшались исполнить его, не имѣя документальныхъ данныхъ. Это недоразумѣніе кончилось тѣмъ, что изъ Москвы были посланы новые спеціальные указы Долгорукому и Борятинскому, а непослушному Урусову вмѣсто Москвы, приказано ѣхать въ деревню — т. е. быть въ опалѣ.

Стоя въ Арзамасѣ, Долгорукій разсылалъ оттуда для усмиренія возставшихъ своихъ четырехъ това-

рищей, которымъ въ свою очередь оказывали содѣйствіе воеводы мѣстныхъ городовъ. Дѣйствія Долгорукаго вызвали рядъ похвалъ со стороны государя, но, подчасъ, повидимому, казались недостаточно энергичными: въ началѣ декабря ему былъ посланъ, напримѣръ, указъ, «чтобъ воровство унять и искоренить и нигдѣ-бъ воровъ не было».

Обложивъ Симбирскъ въ сентябрѣ, Разинъ, повидимому, тогда-же далъ порученіе двумъ своимъ атаманамъ отправиться на западъ и сѣверо-западъ съ цѣлью распространенія дальнѣйшаго возстанія. Такихъ «ополченій», какъ называетъ ихъ С. М. Соловьевъ, было отправлено два и, какъ кажется, вскорѣ одно за другимъ, если не одновременно.

Одно изъ этихъ «ополченій», подъ командою атамана Максимки Осипова, направилось на сѣверо-западъ, къ Алатырю. Бывшіе въ Алатырѣ ратные люди казанскаго воеводы князя Урусова были почему-то отозваны и 16-го сентября, вечеромъ, Осиповъ поджегъ городъ. Воевода Акиѳій Бутурлинъ сгорѣлъ въ соборѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми дворянами. Изъ Алатыря Осиповъ поднялся вверхъ по Сурѣ въ Курмышъ, Ядринъ и Василь (Васильсурскъ). Курмышцы и ядринцы одобрили своихъ воеводъ и потому обычная программа истребленія властей въ этихъ городахъ не была выполнена. Васильскій воевода, видимо, не разсчитывая на одобреніе гражданъ — убѣжалъ. Явившіеся «воры» ограбили таможню, причемъ въ съѣзжей избѣ «великаго государя грамоты и всякія писма подрали». Осиповъ поселился въ Курмышѣ, куда къ нему явилась депутація отъ жителей Лыскова — звать Осипова къ себѣ. Это было въ концѣ сентября. Осиповъ «съ товарыщи» явился въ Лысково, откуда навстрѣчу къ нему жители вышли крестнымъ ходомъ подъ колокольный звонъ. Вскорѣ по приходѣ въ Лысково, «воры» принялись за осаду богатаго Макарьева-Желтоводскаго монастыря, такъ какъ монахи задерживали у себя «въ крѣпкомъ соблю-

денія» посланнаго къ нимъ съ предложеніемъ сдать монастырь казака «Першку съ товарыщи». 8 октября «войско» Осипова переправилось черезъ Волгу и начало бомбардировку монастыря. «Воровъ» собралось около пятнадцати тысячъ, такъ какъ къ лысковцамъ пристали жители села Мурашкина «со измѣнники иныхъ волостей». Первый приступъ, 10-го октября, былъ неудаченъ, хотя «ворамъ» и удалось зажечь монастырскія башни и стѣны. Въ монастырь, въ качествѣ парламентера отъ «воровъ», явился мурашкинскій попъ Максимъ Давыдовъ съ требованіемъ отпустить «Першку съ товарищи» подъ страхомъ новаго нападенія. Это требованіе было исполнено монахами, но черезъ недѣлю Осиповъ, соединившись съ двумя другими атаманами Черноусенкомъ и Долгимъ, все-таки взялъ монастырь и ограбилъ его. Дальнѣйшая судьба этого «ополченія» неизвѣстна.

Второе «ополченіе» успѣло совершить болѣе крупныя завоеванія. Начальникомъ его былъ донской казакъ Мишка Харитоновъ. «Воры» прежде всего пришли въ городъ Корсунь (въ 96 в. отъ Симбирска). Обыватели присоединились къ «ворамъ» и «ополченіе» направилось дальше въ предѣлы Пензенской губ. черезъ Атемаръ, къ Саранску. Этотъ городъ «ворамъ» пришлось брать съ бою. Воевода былъ убитъ, «а градскіе люди пристали къ ворамъ». Въ Саранскѣ «воры» собрали кругъ и рѣшили идти по «чертѣ» — по укрѣпленной линіи, шедшей отъ Симбирска черезъ Корсунь и Инсаръ на Тамбовъ и дальше. Настроеніе населенія въ этихъ мѣстностяхъ было уже очень шаткимъ. «Воровской» ясакъ (лозунгъ) — «Нечай» всѣхъ ставилъ на ноги и заставлялъ браться за дубье. «Нечаемъ» казаки называли царевича Алексѣя Алексѣевича, говоря: «на то у насъ и ясакъ Нечай, что вы н е ч а е т е царевича. Окрестные воеводы предвидѣли уже свою плачевную участь: не чаяли добра отъ «здѣшнихъ людей», зараженныхъ «воровскою прелестью», а одинъ изъ нихъ — нижне-ломовскій — еще

23-го сентября заблаговременно просилъ поминать его и «въ сенодикъ написать съ женою и дѣтьми».

Изъ Саранска Харитоновъ, «собрався человѣкъ со сто», пошелъ къ Пензѣ. Воевода Лачиновъ съ подъячимъ былъ убитъ, «а градскіе люди измѣнили», «сдались безъ бою». Харитоновцы пробыли въ Пензѣ около недѣли и «ополченіе» ихъ увеличилось до 900 человѣкъ: изъ Саратова черезъ степь пришли въ Пензу 600 человѣкъ съ атаманами бѣлгородскимъ солдатомъ Васькой Ѳедоровымъ и поставленнымъ Разинымъ «саратовскимъ атаманомъ» Гришкой Савельевымъ, которому, видно, было скучно сидѣть въ Саратовѣ безъ дѣла. Съ саратовцами пришелъ въ Пензу и возставшій на бояръ «воеводскій попъ» — Михаилъ Игнатьевъ.

Въ Нижнемъ Ломовѣ повторилась обычная исторія: какъ только явились «воры» — жители отворили гостямъ ворота и «облиховали» своего воеводу, Андрея Пекина, — того самаго, который, по вѣрному предчувствію, просилъ поминать его убитымъ и внести въ «сенодикъ», — онъ погибъ «ругателною смертію». Изъ Нижняго Ломова, 2-го октября, Харитоновъ явился къ Верхнему Ломову, заявивъ, что онъ и казаки пріѣхали «отъ донскаго атамана отъ батюшки своего отъ Степана Тимоѳеевича Разина и отъ всего его войска для обереганья». Верхне-ломовцы отказались, однако, впустить «оберегателей». Харитоновъ послалъ тогда за артиллеріей и подкрѣпленіями въ Нижне-Ломовъ и грозился побить «верхогородцевъ» съ воеводою и всѣхъ «разорить безостатку». Напугавшись этого верхне-ломовцы впустили «оберегателей», которые немедленно, «учиня свой казачій кругъ, воеводской домъ и животы разграбили и для всякаго ужасу и боязни» убили священника «и многихъ людей плетми били». По заведенному еще Разинымъ обычаю — «государевы грамоты и всякія дѣла», хранившіяся въ «государевомъ анбарѣ», были изорваны. Воевода, Игнатій Корсаковъ, первоначально посаженный въ тюрьму, а потомъ, по челобитью обывателей,

освобожденный, былъ все-таки убитъ казаками 6-го октября.

Отсюда «ополченіе», черезъ Керенскъ, направилось къ Шацку — въ предѣлы Тамбовской губерніи. Керенскіе «служилые люди» сдались. Хотя керенцы и стерегли своего воеводу, «чтобъ не ушолъ», ему все-таки, кажется, удалось на время скрыться, но затѣмъ онъ былъ найденъ и казненъ. Изъ Керенска «воры» двинулись дальше и стали въ Конобѣевѣ близъ Шацка. Здѣсь воры «мужиковъ къ себѣ призывали и прельщали ихъ всякими прелестьми». Но шацкій воевода, Яковъ Хитрово, сумѣлъ отстоять городъ. 14-го октября шацкіе рейтары двинулись къ Конобѣеву и побили воровъ. Однако, черезъ три дня они снова подступили къ Шацку съ двухъ сторонъ. Рейтары вторично «учинили бой» и погнали «воровскихъ людей», но тѣ, «собрався, дали другой бой» и снова были разбиты.

Часть «воровъ» съ атаманомъ Васькой Ѳедоровымъ убѣжала послѣ этого къ Верхнему и Нижнему Ломовымъ и, очевидно, не зная еще о судьбѣ Разина, собиралась идти къ нему подъ Симбирскъ. Но «ломовскіе жители ихъ, воровъ, почали унимать» и говорили:

— Мы подъ Шацкъ пойдемъ всѣми головами!

Второй, вдохновленный уже не казаками, а мѣстнымъ населеніемъ — «градскими людьми» походъ былъ, однако, неудаченъ. Ломовцы и керенцы, дѣйствительно, двинулись въ походъ поголовно, даже «взяли изъ тѣхъ городовъ семь пушекъ и стали подъ Раковымъ». Это было въ ноябрѣ уже. 15-го ноября шацкіе рейтары напали на воровъ и прогнали ихъ «за рѣку Цну въ лѣсъ», а 19-го ноября разогнали и оставшихся. Васька Ѳедоровъ пришелъ въ Керенскъ и «керенскіе жители его не отпустили и велѣли ему быть атаманомъ». Новый «керенскій атаманъ» вскорѣ отправился подъ Троицкъ, куда его вызывали на помощь мѣстные «воры», чтобы идти на отрядъ самого князя Юрія Долгорукаго, стоявшій въ Красно-

слободскѣ. 12 декабря произошелъ бой въ восьми верстахъ отъ Троицка, «воры» были побиты и «побѣжали всѣ врозь». Ѳедоровъ съ донцами убѣжалъ въ Инсаръ, но тамъ его взяли обманомъ и посадили въ тюрьму.

Другая часть «воровъ», послѣ шацкаго боя, съ атаманами Мишкой Харитоновымъ и Ѳедькой Алексѣевымъ, забравъ бывшія въ дѣлѣ пушки, пошла въ другомъ направленіи и стала станомъ въ деревнѣ Зарубкинѣ. Здѣсь къ концу ноября «воровъ» собралось около пяти тысячъ съ пушками и обозомъ; вокругъ ихъ въ лѣсахъ были устроены засѣки съ караулами по сотнѣ человѣкъ. Отсюда Харитоновъ собирался снова идти подъ Шацкъ и даже ѣздилъ въ Красную слободу (Краснослободскъ) за людьми, но получилъ отказъ. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ Харитонова въ историческихъ актахъ не имѣется.

Отъ этихъ двухъ главныхъ «ополченій» отдѣлялись новыя, малыя. Такъ, 8—9 октября у Кадома (Тамбовская губ.) появился атаманъ «Лучка Ѳедоровъ съ товарищи» и взялъ городъ. Воевода — Дмитрій Аристовъ — убѣжалъ еще до прихода «воровъ» и на мѣсто его былъ поставленъ «ворами» какой-то Карпушка Емельяновъ. Городъ оставался въ рукахъ возставшихъ до 23-го ноября, когда явились ратные люди, которыхъ кадомцы встрѣтили съ иконами.

Въ предѣлахъ Нижегородской губерніи «воровство» обнаружилось въ концѣ сентября: 25-го сентября въ вотчину стольника Головина — село Кишкино явилось 8 воровскихъ казаковъ, убившихъ приказчика и ограбившихъ боярскій дворъ. Въ октябрѣ воровство оказалось по теченію Оки — въ вотчинахъ князя Черкасскаго около Ворсмы. Здѣшніе «мужики, собрався съ ворами, ходятъ, грабятъ и побиваютъ до смерти, и всякое разоренье чинятъ», подъ началомъ атамана Савки Ѳедорова. Казаковъ здѣсь было около пятисотъ человѣкъ, а «черни тысячи съ три». Возстав-

шіе не хотѣли было допускать московскихъ ратныхъ людей къ переправѣ черезъ Оку, но попъ Иванъ Алексѣевъ успѣлъ предупредить царскихъ воеводъ и «воровъ» побили. Ратные люди послали Алексѣева уговаривать народъ отстать отъ «воровства», но его самого едва не казнили за это. У возставшихъ были между прочимъ, намѣренія идти къ Нижнему-Новгороду.

— Какъ Нижній возьмемъ, въ то число увидятъ царевича всѣ крестьяне! — загадочно говорили бунтовщики.

Имя царевича, вообще, служило мощнымъ средствомъ для революціонной пропаганды и «воры» часто пользовались этимъ средствомъ. На взятіе Нижняго возставшіе разсчитывали не безъ основаній: нижегородцы — посадскіе люди — составляли уже «заручную челобитную» къ Стенькѣ Разину о томъ, что сдадутъ ему городъ и будутъ «воровать за одно съ нимъ, Стенькою». Кромѣ того къ самому городу нерѣдко пріѣзжали казаки съ «воровскими письмами» о сдачѣ города. Положеніе осложнялось тѣмъ, что возставшіе «ставились» вокругъ города «станами» и даже «къ посаду приступать хотѣли».

Но Нижній все-таки устоялъ. 28-го октября туда явились посланные Долгорукимъ воеводы Щербатовъ и Леонтьевъ, уже разгромившіе воровскія скопища «осиповцевъ» у Мурашкина, гдѣ имъ досталось 18 пушекъ. Пробывъ въ Нижнемъ три дня и казнивъ имѣвшихъ «къ воровству шатость», воеводы ушли къ Арзамасу. Вскорѣ послѣ ухода ратныхъ людей «воры» снова, однако, «почали копиться многолюдствами» и «хвалиться» разорить Нижній; самъ воевода Леонтьевъ по пути къ Арзамасу долженъ былъ выдерживать бои съ «ворами», которые строили цѣлыя крѣпости изъ бревенъ и земляныхъ насыпей.

Подчасъ возставшіе проявляли большую настойчивость. Взявъ Козьмодемьянскъ, «воры» убили воеводу и выпустили «тюремныхъ сидѣльцевъ», а одного

изъ нихъ даже выбрали въ атаманы. Отправленный 17-го октября изъ Казани съ ратными людьми князь Данило Борятинскій, «выручилъ» отъ «воровъ» Цивильскъ, принялъ раскаяніе чебоксарцевъ, и 28 октября двинулся на выручку Козьмодемьянска. Въ 25-ти верстахъ отъ этого города ему навстрѣчу явилось трехтысячное скопище козьмодемьянскихъ «посадскихъ, стрѣльцовъ и ямщиковъ» съ двумя пушками, «атаманомъ Пронкой Ивановымъ» и — что особенно любопытно — священникомъ козьмодемьянскаго собора Михаиломъ Ѳедоровымъ. Наступленіе было отбито. 2-го ноября Борятинскій подошелъ еще ближе и послалъ козьмодемьянцамъ письмо, чтобы они «добили челомъ» въ своихъ винахъ. Отвѣта не было получено и 3-го ноября ратные люди подошли къ городу. Навстрѣчу имъ вышло духовенство съ крестами, но безъ народа. Оказалось, что козьмодемьянцы и приставшіе къ нимъ крестьяне, выпустивъ священниковъ, «заперли городъ» и рѣшили защищаться. Однако, въ тотъ-же день Козьмодемьянскъ былъ взятъ; главари, и въ ихъ числѣ попъ Михаилъ Ѳедоровъ, «изыманы и посажены въ тюрьму», начался сыскъ, завершившійся казнями ста человѣкъ и битьемъ кнутомъ четырехсотъ человѣкъ. Но не такъ-то легко было покорить козьмодемьянцевъ. Многіе изъ нихъ ушли въ находившійся еще въ рукахъ возставшихъ Ядринъ; приведенные къ присягѣ черемисы окрестныхъ деревень тоже перешли на сторону казаковъ. Борятинскій послалъ въ Ядринъ монаха-старца Герасима и посадскаго Тиханова, уговаривать козьмодемьянцевъ и ядринцевъ возвратиться «на истинный путь». Но бунтовщики «старца бросили съ башни, а посадскаго человѣка жгли огнемъ». Послѣ такой «отповѣди» ждать добра отъ ядринцевъ было нечего. И дѣйствительно — въ ночь на 16-е ноября подъ стѣнами Козьмодемьянска оказалась двѣнадцати-тысячная толпа «воровскихъ русскихъ людей» и сверхъ того — тысяча бѣглыхъ козьмодемьянцевъ. «Воры»

сбили сторожей и подожгли слободы, но скоро были разсѣяны.

Характерно было и возстаніе темниковцевъ по значительности участія въ немъ лицъ духовнаго сословія. Здѣсь, прежде всего, организовалась шайка крестьянъ подъ предводительствомъ «попа Саввы», участвовавшая даже въ бояхъ съ ратными людьми. Эти бунтовщики «и домы грабили, и многимъ женскаго полу чинили поруганіе, а иныхъ запытали до смерти» — словомъ, вели себя совершенно по-разбойничьи. Попъ Савва дѣйствовалъ въ уѣздѣ, а въ самомъ Темниковѣ, при воровскомъ атаманѣ Ѳедькѣ Сидоровѣ состоялъ попъ Пименъ, совершавшій богослуженія и молившійся за Никона и воровскихъ казаковъ. Этотъ попъ особенно «устращивалъ» темниковцевъ своими похвалами Никону и воровскимъ казакамъ. Наконецъ, здѣсь-же была схвачена и приведена къ князю Юрію Долгорукову любопытная героиня — «воръ-старица» — переодѣтая въ мужское платье монахиня съ «воровскими заговорными письмами и кореньями». Старица, по имени Алена, была родомъ изъ Арзамаса, послѣ смерти мужа — постриглась, но когда началась разиновщина — ушла изъ монастыря, «собирала съ собою на воровство многихъ людей и съ ними воровала». Ее приговорили, какъ колдунью, къ сожженію и сожгли въ срубѣ. По словамъ иностранца, автора «Извѣстія о бунтѣ Стеньки Разина», передъ смертью старица «выразила желаніе, чтобы побольше лицъ вели себя подобно ей и дрались также храбро, какъ она».

Назрѣвало крупное движеніе и въ Тамбовѣ, но такъ и не назрѣло. Во второй половинѣ октября тамбовцы получили вѣсти, что по Хопру плывутъ къ Тамбову «воры» съ атаманомъ Фролкой Разинымъ. Прибыли-ли эти именно «воры», неизвѣстно, но послѣ пораженія разиновцевъ подъ Шацкомъ, пятитысячная толпа ихъ обложила Тамбовъ. Въ городѣ было не совсѣмъ спокойно; служилые люди собирались лѣ-

ниво и служили неохотно. Сержантъ Долгополовъ съ двумя стами конницы, «не хотя служить великому государю, воровски стояли недѣли съ три въ степи». Хотя мѣстный воевода и мало надѣялся на вѣрность тамбовцевъ, «потому что у нихъ на Дону братья, племянники и дѣти, а иные у Стеньки Разина», но они все-таки не сдавались на увѣщанія «воровъ». Въ декабрѣ къ Тамбову пришли драгуны и скопище бунтовщиковъ разсѣялось по окрестностямъ. Здѣсь «воры» держались очень долго, дольше чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ: въ февралѣ 1671 г. тамбовскій воевода совершалъ еще противъ нихъ военныя экспедиціи.

Въ тамбовскихъ-же краяхъ разыгрался и другой характерный эпизодъ, указывающій, что именно въ этомъ краю бунтъ могъ-бы разгорѣться особенно сильнымъ огнемъ. 21-го октября въ 20-ти верстахъ отъ Шацка, въ селѣ Алгасовѣ собралось не совсѣмъ обычное скопище подъ предводительствомъ Тимошки Мещерякова. Кромѣ «воровъ» здѣсь были «тамбовскіе казаки и солдаты ратныхъ слободъ и селъ», которые, получивъ отъ тамбовскаго воеводы жалованье, «перекинулись» къ возставшимъ. «Воры» дошли до такой дерзости, что ограбили посланную въ Шацкъ государеву казну. Два дня — 22 и 23-го октября — бились съ «ворами» шацкіе ратные люди, сожгли все село и, наконецъ, добились покорности. «Заворовавшимъ» служилымъ людямъ было приказано идти въ Тамбовъ, но они «учинились непослушны»: снова возстали и грабили даже начальствующихъ лицъ, избравъ своимъ станомъ село Червленное подъ самымъ Тамбовомъ. Возможно, что ихъ именно и ходилъ усмирять въ февралѣ 1671 г. тамбовскій воевода.

Таковы наиболѣе характерные эпизоды возстанія разиновцевъ въ Поволжьи и смежныхъ съ нимъ губерніяхъ. Но вспыхивали волненія и въ другихъ мѣстностяхъ. Прежде всего «воровство» распространилось къ югу, по чертѣ. Вѣроятно, въ концѣ сентября

острогожскій полковникъ Иванъ Дзимковскій, съ соумышленниками «призвавъ къ себѣ донскихъ воровскихъ казаковъ въ Острогожскомъ и въ Олшанскомъ воеводъ и градскихъ людей добрыхъ побили и домы ихъ пограбили». Однако, острогожцы, поддавшись увѣщаніямъ своего соборнаго протоіерея, «переимали» воровъ и самаго Дзимковскаго и «вкинули» ихъ въ тюрьму.

Возникло съ приходомъ донскихъ «воровъ» какое-то движеніе въ недалекомъ отъ Острогожска Коротоякѣ, но его быстро усмирилъ посланный туда князь Г. Г. Ромодановскій.

Не спокойно было и въ другихъ слободскихъ полкахъ — въ Чугуевѣ началось движеніе, перенесшееся и въ другіе города. Однако, здѣсь легко было водворено спокойствіе.

Одинъ изъ козьмодемьянскихъ острожниковъ Илюшка Пономаревъ, бывшій помощникомъ главнаго козьмодемьянскаго атамана, собралъ шайку «всего съ тридцать душъ» и съ нею предпринялъ набѣгъ по Ветлугѣ, далеко на сѣверъ. Они добрались до села Лапшанги, разсылая «прелестныя» письма, приманившія къ нимъ до четырехъ сотенъ мѣстныхъ крестьянъ со священникомъ одного изъ селъ. Движеніе было до извѣстной степени организовано: впереди сборища шли люди съ «прелестными листами». По дорогѣ происходило обычное избіеніе приказныхъ и приказчиковъ, производившееся по указанію самихъ крестьянъ — «по мірской сказкѣ черныхъ людей». 3-го ноября семьсотъ пономаревцевъ явились въ Унжу, выпустили колодниковъ и ограбили казну. Послѣ неудачной битвы съ государевыми ратными людьми, разсѣявшей скопище, Пономаревъ бѣжалъ на сѣверъ — къ Тотьмѣ, гдѣ его и поймали. Вѣроятно, въ это-же время началось «воровство» и въ сосѣднемъ Галичѣ.

Добрались «воры» даже до Соловецкой обители, гдѣ поддерживали воинственное настроеніе монаховъ во время Соловецкаго бунта. Вспыхивали зловѣщіе

огоньки и въ другихъ мѣстахъ: волновались, повидимому, стрѣльцы въ Брянскѣ. Опасались даже, что волненія могутъ перекинуться въ Сибирь и посылали грамоты тобольскому воеводѣ, чтобы онъ «учинилъ заказъ крѣпкой» всему населенію о ловлѣ «воровъ».

Но гроза миновала. Движеніе было страшно, пока во главѣ его стоялъ такой своеобразный герой, какъ Стенька Разинъ, — остальные не были страшны московскому правительству, потому что не могли ни продолжать его дѣла, ни исправить послѣдствій его ошибокъ.

Къ іюню 1671 года, ко времени казни Стеньки, всюду наступила тишина: лишь въ Астрахани держались еще «воры», но они не могли уже и не умѣли предпринять ничего серьезнаго.

V.

Конецъ „Разиновщины".

1671.

«Разиновщина» въ поволжскихъ губерніяхъ была подавлена, самъ Разинъ — казненъ, но Астрахань все еще находилась въ рукахъ возставшихъ, дѣло Разина еще продолжалось.

Уходя подъ Симбирскъ, Разинъ оставилъ въ Астрахани двухъ атамановъ изъ донскихъ казаковъ: Ваську Уса, и «подъ нимъ» въ качествѣ старшихъ Ѳедьку Шелудяка и Ивана Терскаго.

По уходѣ Разина астраханцы привели въ исполненіе свой замыселъ — побить ненадежныхъ людей. 3-го августа поднялись крики, шумъ и астраханскіе жители «учинили бунтъ»: «подъячихъ Якова Трифильева, да Ивана Безчастнаго съ товарищи всѣхъ порубили бердышами», однихъ «въ сугонъ» (т. е. догнавъ, въ догонку), другихъ въ домахъ и даже въ тюрьмахъ. Затѣмъ бунтовщики явились къ митрополиту Іосифу — искать «государева дворцоваго промышлен-

ника Ивана Турчанинова», но не нашли. Раздраженные бунтовщики грозились убить самого митрополита, бранили его «матерно и ругали всякими поносными словесы, якобы онъ угождаетъ боляромъ, а не имъ». «Воры» кричали Іосифу:

— Только тебѣ у насъ не уцѣлѣть!

Васька Усъ списывался съ терскими казаками, приглашая ихъ присоединиться къ «ворамъ». Крымскій ханъ предлагалъ разиновцамъ союзъ и помощь противъ Москвы... Но бѣгство Стеньки изъ-подъ Симбирска гибельно отразилось и на этомъ.

Какое впечатлѣніе произвела на астраханцевъ вѣсть о печальной участи Стеньки Разина подъ Симбирскомъ — неизвѣстно. Можно предполагать, однако, что неудача Стеньки повліяла на отношенія между «ворами» и терскими казаками, которые отложились отъ воровъ къ веснѣ 1671 года и Ивашка Терскій ушелъ на Донъ. Ѳедька Шелудякъ своими грабительскими инстинктами такъ раздражилъ астраханцевъ, что они хотѣли его убить и Шелудякъ убѣжалъ въ Царицынъ. Быть-можетъ именно послѣ этого астраханцы ввели въ составъ «правительства» своихъ выборныхъ «старшинъ» Ивана Красоулина и Обаима Андреева, съ цѣлью сдерживать хищническіе инстинкты воровскихъ атамановъ.

2-го ноября 1670 г. митрополитъ получилъ черезъ татарина Энмамета царскую милостивую грамоту къ астраханцамъ. Изъ предосторожности, чтобы «воры», по заведенному у нихъ обычаю — драть государевы грамоты, не уничтожили подлинника этой грамоты, съ нея были сдѣланы списки. Но грамота не произвела на «воровъ» желаемаго дѣйствія.

— Митрополитъ со властьми, и съ попами, и съ дворовыми дѣтьми боярскими, складываетъ у себя грамоты, и хочетъ насъ всѣхъ отдать боярамъ! — кричали бунтовщики.

3-го ноября Іосифъ велѣлъ благовѣстить въ большой соборный колоколъ, «чтобъ всякихъ чиновъ люди

сходилися». Но «люди» плохо его слушались: «немногіе астраханскіе жители къ собору пришли», а большинство устремились ко двору Васьки Уса. Митрополитъ все-же вышелъ къ народу и велѣлъ соборному ключарю Ѳедору Негодяеву прочесть грамоту. Бывшіе среди собравшихся у собора «воры» дерзко отняли по прочтеніи подлинную грамоту у митрополита, который сталъ обличать ихъ — «обличеніемъ многимъ», называя «еретиками и измѣнниками». Тѣ не остались въ долгу:

— Зналъ-бы ты свою келью! — кричали они. — Какое тебѣ до насъ дѣло? Знаешь-ли ты раскатъ?

Грозились утопить митрополита, «посадить въ заточенье» и съ этими угрозами унесли грамоту къ атаману.

На другой день «воры» схватили Негодяева и стали пытать:

— Скажи, кто тое грамоту писалъ? Вы съ митрополитомъ и съ попами и съ дѣтьми боярскими тое грамоту здѣсь сложили!

Узнавъ, что съ грамоты есть списки, ихъ «съ печестіемъ» взяли у святителя. На томъ и кончилось дѣло, на этотъ разъ. Грамота со списками, вѣроятно, была уничтожена, но злоба на митрополита, такъ крѣпко стоявшаго «за бояръ», все наростала.

Зима прошла благополучно. Въ великую пятницу, 21-го апрѣля 1671 года, митрополита извѣстили, что ставшіе станомъ за Волгою татары привезли изъ Москвы новую грамоту астраханцамъ. Іосифъ, «радуяся такому дѣлу», послалъ за астраханскими «старшинами» Красоулинымъ и Андреевымъ, но тѣ не вошли въ астраханскій кремль, а остались на базарѣ. Митрополитъ вышелъ на базаръ и сказалъ народу, что пришли государевы грамоты, но онъ принять ихъ не рѣшается: «потому что вы меня и первою государевою грамотой поклепали, будто я съ властьми и съ попами складывалъ и писалъ дома». Воровскіе старшины попли за атаманомъ и тогда явились уже къ

соборной церкви. Началась взаимная брань и попреки, ничѣмъ не кончившіеся.

На другой день — въ великую субботу — депутаты отъ «воровъ» явились къ Іосифу и потребовали грамотъ. Тотъ посовѣтовалъ, чтобы они сами взяли ихъ у татаръ за Волгою. Грамоты были принесены въ соборъ и распечатаны митрополитомъ въ присутствіи Васьки Уса и другихъ возставшихъ. Но «воры» не захотѣли слушать грамотъ и пошли въ свой кругъ. Тогда Іосифъ со священниками, боярскими дѣтьми и «дворовыми своими людьми» отправился въ казачій кругъ. Грамоты были прочитаны и изъ толпы послышались тѣ-же крики недовѣрія, какими въ свое время въ 1650 г. встрѣтили подобные-же документы возставшіе псковичи:

— Вольно̀ писать имъ, боярамъ, и самимъ! Коли-бы была государева грамота, ино-бъ была за красной печатью! А эту ты, митрополитъ, самъ сложилъ со властьми и попами!

Затѣмъ посыпалась на Іосифа брань и обвиненія въ «измѣнѣ»:

— Тужитъ по тебѣ роскатъ! — кричали ему.— Еще осталось того роскату. Полно, не тѣ дни теперь захватили! Ужъ ты узнаешь у насъ, какъ атаманы молодцы смуту чинятъ. Вся смута и бѣда отъ тебя чинится. Ты переписываешься въ Москвѣ съ боярами, и съ Терекомъ и съ Дономъ. По-твоему письму Терекъ и Донъ отъ насъ отложились!

Митрополитъ безстрашно уговаривалъ астраханцевъ исполнить царскую волю: «воровъ донскихъ всѣхъ перехватать и посадить въ тюрьму», обѣщая, что «великій государь васъ, окаянныхъ, ничѣмъ не велитъ тронуть». Въ отвѣтъ на это понеслись новые крики, свидѣтельствовавшіе о большомъ единодушіи возставшихъ.

— Кого намъ хватать и сажать въ тюрьму? Мы всѣ — воры! Взять его, митрополита, да посадить въ каменную будку... Теперь пристигла Святая недѣля, а то мы-бы тебѣ дали память!

Святая недѣля прошла мирно: «воры», видимо, щадили религіозныя чувства населенія. Но 1-го мая, въ Ѳомино воскресенье, они взяли въ свой кругъ соборнаго ключаря Негодяева и снова допытывались: «кто складывалъ тѣ грамоты и кто писалъ». Негодяевъ сталъ укорять ихъ и за это поплатился жизнью. Затѣмъ они взяли силой двухъ митрополичьихъ дѣтей боярскихъ — Трофимова и Владыкина — и поставили ихъ на очную ставку съ казакомъ Оськой Серебренникомъ, утверждавшимъ, что именно они и составляютъ съ митрополитомъ «ложные воровскіе письма и грамоты». Несчастныхъ хотѣли пытать или казнить, но изъ толпы послышалось другое, взявшее верхъ характерное мнѣніе:

— Что ихъ пытать или рубить и казнить? Ихъ казнимъ, а послѣ нихъ у митрополита иные будутъ писцы. Пора намъ приниматься за самого митрополита. Убьемъ его, такъ въ городѣ у насъ и смуты не будетъ.

Именно въ это-то время, рѣшившись на столь важное дѣло, «воры», повидимому, и составили особый «приговоръ», въ которомъ, между прочимъ, было написано: «Атаманы, и всѣ казаки донскіе и астраханскіе и терскіе и гребенскіе, и пушкари и затинщики и посадскіе люди, и съ гостина двора торговые люди, написали межъ собою письмо, что жить здѣся, въ Астрахани, въ любви и совѣтѣ, и никого въ Астрахани не побивать и стоять другъ за друга единодушно, и итти вверхъ, и побивать и выводить измѣнниковъ бояръ».

Такимъ образомъ, не смотря на извѣстія о поимкѣ Разина и о томъ, что на Дону теперь не можетъ быть уже никакой поддержки, — «воры» не только не считали дѣла Разина погибшимъ, но и собирались продолжать его. Вслѣдствіе этого приговора часть «воровъ», — такъ-называемое «войско», — направилась внизъ — на Симбирскъ «вдругорядь». Жившій въ Царицынѣ Шелудякъ былъ избранъ въ атаманы, для завѣдыванія военными операціями противъ Симбирска.

«Воры» съ Красоулинымъ во главѣ ходили къ митрополиту, но тотъ, конечно, отказался подписать эту «единичную запись» и «обличалъ ихъ многое множество».

Между тѣмъ Шелудякъ со своимъ «войскомъ», отправляясь въ походъ, послалъ къ Васькѣ Усу съ «астраханскимъ инозе́мцемъ» Стенькою Каченовскимъ какое-то письмо, возымѣвшее рѣшающее дѣйствіе на астраханцевъ. Вмѣстѣ съ Каченовскимъ въ Астрахань отправилось изъ Царицына пятьсотъ казаковъ.

11-го мая, во время обѣдни, въ соборъ явились астраханцы и стали «съ большимъ невѣжествомъ» звать митрополита въ казачій кругъ. Митрополитъ облачился и приказалъ благовѣстить, чтобы священники собирались — идти съ нимъ въ кругъ. Когда митрополитъ явился въ сопровожденіи своихъ соборныхъ священниковъ (приходскіе опоздали и не были впущены въ кругъ), противъ него выступилъ Каченовскій и сказалъ:

— Прислалъ я отъ войска съ рѣчьми, что ты воровски переписываешься съ Терекомъ да съ Дономъ и по твоему письму Терекъ и Донъ отложились отъ насъ.

— Я съ ними не переписывался, — отвѣчалъ митрополитъ и тутъ-же попрекнулъ Уса и другихъ «воровъ»: — А хотя-бъ и переписывался, такъ то не Крымъ и не Литва. А я и вамъ говорю, чтобъ вы отъ воровства отстали и великому государю вины свои принесли.

Эти рѣчи раздражили «кругъ», понеслись крики:

— Что ты таишь свое воровство, что не переписывался будто? Какой-же ты правый человѣкъ? Что ты пришелъ въ кругъ съ крестомъ? Мы, вѣдь, и сами христіане, а ты будто пришелъ къ иновѣрнымъ!

Наиболѣе озлобленные порывались сорвать съ пастыря облаченіе, но одинъ донецъ, Миронъ, сталъ ихъ останавливать:

— Что вы, братцы? На такой великій санъ хотите руки возложить? Намъ къ такому великому сану и прикоснуться нельзя!

Мирона тутъ-же, вытащивъ за кругъ, убили, но его слова все-таки оказали дѣйствіе и «воры» стали приступать къ духовенству:

— Снимайте съ митрополита санъ! Онъ снималъ-же и съ Никона-патріарха санъ!

Іосифъ понялъ, что насталъ его послѣдній часъ и приказалъ разоблачать себя. Когда облаченіе было снято — исчезло все обаяніе святительскаго сана: «воры» безчеловѣчно пытали Іосифа, жгли огнемъ и наконецъ, ничего не добившись, сбросили съ роската.

Это злое дѣло произвело, повидимому, сильное впечатлѣніе и на самихъ преступниковъ: «съ треть часа (они) стояли повѣся головы и ничего другъ ко другу не промолвили».

Но дѣло было совершено непоправимое и на другой-же день воры составили новую запись, въ которую входилъ и текстъ прежней. На этой записи «воры» приневоливали подписываться мѣстное духовенство, не давая даже и читать ее. Затѣмъ запись была положена на сохраненіе въ Троицкій монастырь.

Вмѣстѣ съ Іосифомъ погибъ и бывшій товарищъ астраханскаго воеводы — князь Львовъ: его судили всѣмъ кругомъ, пытали и казнили.

Между тѣмъ Шелудякъ съ «войскомъ» плылъ къ Симбирску, замышляя «учинить то-же, что и Стенька». Саратовцы и самарцы присоединились къ этой рати и въ іюнѣ она достигла Симбирска. Тамъ сидѣлъ въ воеводахъ П. В. Шереметевъ. Придя подъ Симбирскъ, «воры» послали къ воеводѣ «челобитную, что они идутъ бить челомъ великому государю въ винахъ своихъ». Челобитная эта была написана «не такъ, какъ винные добиваютъ челомъ великому государю и милости просятъ въ винахъ своихъ»; челобитчики писали въ ней «будто у великаго государя есть ба-

яре-измѣнники», въ числѣ которыхъ упомянали усмирителя разиновщины — князя Ю. А. Долгорукаго, — «и иные многіе затѣйные дѣла». Несмотря на это, Шереметевъ вступилъ съ «ворами» въ письменныя сношенія, чѣмъ были очень недовольны въ Москвѣ. Подобные переговоры роняли достоинство воеводы: «боярину и воеводамъ съ такими ворами переписываться было не довелось», выговаривали Шереметеву въ царской грамотѣ.

«Воры» дважды приступали къ Симбирску, но неудачно. Во второй половинѣ іюня Шереметевъ вышелъ изъ города и разбилъ «воровъ» на голову, завладѣвъ всею ихъ артиллеріей и взявъ много плѣнныхъ. Шелудякъ бѣжалъ на Самару и затѣмъ въ Астрахань.

«Губителя православныхъ христіанъ» Васьки Уса уже не было въ живыхъ: онъ «злѣ скончался» отъ какой-то «червивой болѣзни» и Шелудякъ былъ избранъ на его мѣсто.

Между тѣмъ изъ Москвы былъ посланъ на Астрахань бывшій симбирскій воевода — И. Б. Милославскій. Астраханцы вышли ему навстрѣчу, но были разбиты. Милославскій высадился подъ Астраханью на луговой сторонѣ въ устьи рѣки Болды и построилъ себѣ земляной городокъ. Арзамасская кровавая баня, видимо, не особенно нравилась въ Москвѣ и Милославскій былъ уполномоченъ всячески стремиться кончить дѣло миромъ. Ему дана была даже икона Богоматери «Живоноснаго источника». Онъ часто посылалъ въ городъ — уговаривать астраханцевъ повиниться — «они-же воры нимало тому внимаху». Пробовалъ онъ и къ себѣ приглашать астраханскихъ жителей для тѣхъ-же увѣщаній — «они-же яко дикіе звѣри нимало внимаху». Мысль о сопротивленіи, видимо, не была еще оставлена: Алешка Каторжный хотѣлъ отрѣзать Милославскаго отъ Москвы и даже «перенялъ» царскаго гонца. Наконецъ, «воры» снова напали на осаждающихъ. Вслѣдствіе этого Милославскій выстроилъ себѣ новый городокъ — на нагорной

сторонѣ Волги, на рѣчкѣ Соленой, на который безуспѣшно нападали 12-го сентября Шелудякъ и Алешка Каторжный.

Послѣ этого «воры» притихли, но города не сдавали. Однако, постепенно создавалась партія умѣренныхъ, часто сносившаяся съ Милославскимъ и получившая увѣренность, что никто не будетъ наказанъ. Начались раздоры среди осажденныхъ, еще болѣе усилившіеся съ приходомъ на помощь Милославскому черкесовъ съ княземъ «Каспулатомъ Муцаловичемъ». Наконецъ, убѣдившись въ невозможности удержать городъ, гдѣ начался уже голодъ, Шелудякъ взялъ изъ Троицкаго монастыря утратившую свое значеніе «единачную запись» и разорвалъ ее. Послѣ этого Шелудякъ вступилъ въ какіе-то переговоры съ княземъ Каспулатомъ, который выманилъ его изъ Астрахани и арестовалъ. Напуганные астраханцы, лишившись вождя, били Милославскому челомъ о сдачѣ города.

27-го ноября 1671 года Милославскій торжественно вошелъ въ покорившуюся Астрахань — палъ послѣдній оплотъ разиновщины.

Всѣ «воры» — даже Шелудякъ — были оставлены на свободѣ отчасти на основаніи милостивыхъ царскихъ грамотъ, отчасти благодаря взяткамъ, которыя бралъ съ нихъ жадный Милославскій, вопреки закону, записавшій къ себѣ въ холопы тридцать двухъ «воровъ».

15-го января 1672 г. въ московскомъ Успенскомъ соборѣ былъ отслуженъ молебенъ о прекращеніи Но не въ московскихъ обычаяхъ было оставлять безъ наказанія бунтовщиковъ, хотя-бы и прощенныхъ отъ бунта и о томъ, что, «Астарахань освободилась». царскаго имени. Въ іюнѣ того-же 1672 г. въ Астрахань прибылъ князь Я. Н. Одоевскій, начался сыскъ, пытки и казни. Шелудякъ, Красоулинъ и многіе другіе были казнены; у Милославскаго отобрали его новыхъ «воровъ»-холоповъ.

Но взбудораженное народное воображеніе не скоро улеглось еще. Московскіе бояре не даромъ говорили персидскимъ посламъ, что въ большомъ государствѣ не можетъ не быть «воровъ» («государство великоэ не безъ вора»). Въ 1673 г. «прежнихъ воровъ Стенькина собранія Разина казакъ» Ивашка Міюзскій, по происхожденію запорожецъ, снова завелъ воровство въ степи и грозился идти по веснѣ на Волгу. Затѣмъ Міюзскій исчезъ, а въ началѣ зимы явился въ Запорожьи уже въ качествѣ спутника «царевича Симеона Алексѣевича». Запорожское казачество повѣрило самозванцу. «Намъ Богъ далъ съ неба многоцѣнное жемчужное зерно и самоцвѣтный камень», — говорили казаки про «царевича». Посланные изъ Москвы для взятія самозванца бояре, не только не получили его, но и наслушались отъ кошевого атамана Сѣрко непріятныхъ рѣчей. Казаки долго не хотѣли отдавать «царевича», но потомъ, убѣдившись въ его самозванствѣ, выдали его Москвѣ. «Царевичъ Симеонъ», онъ-же Семенъ Воробьевъ, былъ казненъ 17 сентября 1674 г. на томъ-же мѣстѣ и тою-же казнью, какъ и Разинъ.

Въ 1678 г. какіе-то осколки разиновцевъ, будто пытаясь идти старою Стенькиною дорогой, грабили персидскіе берега Каспійскаго моря.

Черезъ пять лѣтъ — въ 1682 г. — завелись воровскіе казаки и на Дону, хвалившіеся тѣмъ, что у нихъ имѣются знамена и «прапорецъ» самого Стеньки Разина.

Но серьезное движеніе, отъ котораго, какъ отъ Разиновщины, снова «закачался-бы весь міръ», созрѣло лишь черезъ сто лѣтъ, уже въ новой, императорской Руси. Страшный пожаръ, охватившій было низы Московскаго государства, такъ и погасъ, нисколько не повліявъ на общій ходъ московской внутренней политики, правда, доживавшей уже послѣдніе годы. 6-го іюня 1671 года казнили Стеньку, а 30-го мая 1672 г. — меньше, чѣмъ черезъ годъ — родился

Петръ Великій, такъ властно измѣнившій впослѣдствіи весь ходъ русской исторіи.

***

Осенью 1670 года въ заграничныхъ «курантахъ» писались крайне обидныя для московскаго самолюбія вѣсти, будто Стенька Разинъ не прочь помириться съ Москвою, при условіи, чтобы его сдѣлали «царемъ Казанскимъ и Астраханскимъ», дали его войску 20 бочекъ золота и казнили восемь человѣкъ бояръ-измѣнниковъ. Фактической почвы подъ этими газетными слухами XVII вѣка, разумѣется, не было, но «Разиновщина», конечно, могла-бы завершиться инымъ путемъ, чѣмъ тотъ, которымъ она завершилась въ дѣйствительности. Стенька Разинъ слишкомъ сильно упалъ духомъ послѣ Симбирской неудачи и не сумѣлъ оцѣнить положенія. Между тѣмъ, поднятое имъ движеніе въ сущности только начиналось еще, а какъ много было горючаго матеріала — это видно и изъ «Разиновщины» безъ Разина, и изъ поведенія астраханскихъ бунтовщиковъ. Но Разинъ — сынъ невѣжественнаго народа — не былъ достаточно развитъ для упорной борьбы и личную свою неудачу, какъ полководца, счелъ чуть-ли не за крушеніе всего дѣла.

Разсматривая «Разиновщину», какъ движеніе крестьянское, самобытно сложившееся среди низшихъ классовъ, преслѣдовавшее народныя задачи и осуществлявшееся съ пріемами характерными опять-таки для народныхъ массъ, — мы неизбѣжно должны признавать ее не какимъ-либо внѣшнимъ, наноснымъ явленіемъ, а органически сложившеюся формою народной оппозиціи правительственной политикѣ. Въ этомъ все историческое значеніе «Разиновщины».

Движеніе это было начато удальцами — людьми, выдѣлявшимися по своей энергіи отъ остальной порабощенной крѣпостнымъ правомъ и придавленной тя-

желымъ правительственнымъ механизмомъ крестьянской Руси. Преслѣдуя въ началѣ цѣли личнаго обогащенія при посредствѣ личной-же удали, движеніе при первыхъ успѣхахъ обратилось въ соціально-политическое. Удаль отошла на второй планъ, личные интересы уступили мѣсто общественнымъ. Перемѣна задачъ движенія кореннымъ образомъ измѣнила и самый составъ его участниковъ: къ немногимъ сравнительно удальцамъ стали примыкать народныя массы, вмѣсто кучекъ удальцовъ стали создаваться поголовныя возстанія, населеніе — коренное, сидящее на землѣ, — оказывалось подчасъ удалѣе самихъ удальцовъ, какъ, напримѣръ, ломовцы, «унимавшіе» разбитыхъ подъ Шацкомъ удальцовъ и создавшіе новый шацкій походъ. Самъ богатырь по удали — Стенька Разинъ — стоявшій во главѣ движенія сильно измѣнился и выросъ съ момента принятія имъ на себя политической миссіи. Лихой набѣгъ на Персію смѣнился походомъ на Симбирскъ и революціонною пропагандой—разсылкой «прелестныхъ листовъ»—казалось-бы несвойственной самой природѣ удальства.

Внѣшнія проявленія «Разиновщины», носящія характеръ удальства и молодечества, легко объясняемыя духомъ ея эпохи и состояніемъ народной психологіи, никоимъ образомъ не должны затемнять или окрашивать невѣрнымъ свѣтомъ самую сущность «Разиновщины», какъ проявленія народной оппозиціи.

При такомъ пониманіи «Разиновщины», совершенно отвѣчающемъ всему ходу исторіи русскаго народа, становится яснымъ и историческое значеніе этого событія и его несомнѣнная тѣсная связь съ болѣе ранними и болѣе поздними проявленіями народной оппозиціи внутренней политикѣ правительства.

КОНЕЦЪ.

Матеріалами для настоящаго очерка служили, между прочимъ, слѣдующія изданія: *С. А. Адріановъ*. Русскій соціалистъ XVII вѣка (статья въ „Историч. Вѣстникѣ“ 1895 г.). — Акты Археографической Экспедиціи, т. IV. — Акты историческіе, т. IV. — *А. А. Голубевъ*. Къ исторіи бунта Стеньки Разина въ Заволжьи. — Дополненія къ Актамъ Историческимъ, т. V, VI, VII, IX и X.— *В. Г. Дружининъ*. Расколъ на Дону. — *И. И. Дубасовъ*. Очерки изъ исторіи Тамбовскаго края. Вып 2 и 5. —„Ежемѣсячныя Сочиненія“, 1763 г., кн. XI (Хронографъ).—Извѣстіе, касающееся подробностей бунта, недавно поднятаго въ Московіи Стенькою Разинымъ. 1762 г. (Переводъ А. Станкевича). — *К. фанъ-Кленкъ*. Исторія посольства въ Москву. — *Н. И. Костомаровъ*. Бунтъ Стеньки Разина.—*Г. Котошихинъ*. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.— „Москвитянинъ“, 1841 г., IV (Хронографъ Аверина). — Полное Собраніе Законовъ, т. I. — *А. Поповъ*. Возмущеніе Стеньки Разина (статья въ „Русской Бесѣдѣ“ 1857 г.); Матеріалы для исторіи возмущенія Стеньки Разина. — *А. Рингельманъ*. Исторія донскихъ козаковъ. — Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ, т. IV. — *С. М. Соловьевъ*. Исторія Россіи, т. XI. — *Стрюйсъ*. Записки о пребываніи въ Россіи („Русскій Архивъ“, 1880, т. I).—*С. Н. Терпигоревъ*. Раскаты Стенькина грома въ Тамбовской землѣ. — *Н. Н. Өирсовъ*. Разиновщина, и др.

Ист. СССР до 17 г. Револ. дв.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

I. Начало „Разиновщины“. 3

II. „Разиновщина“—государственный и соціальный переворотъ. 22

III. Конецъ Стеньки Разина 36

IV. „Разиновщина“ безъ Разина. 50

V. Конецъ „Разиновщины“. 67

А. Додэ. — Приключенія Тартарена изъ Тараскона.

А. Дюма-сынъ. — Дама съ камеліями.

Проф. Кестлинъ. — Мартинъ Лютеръ. Біографическій очеркъ съ портретами.

И. Козловъ. — „Княгиня Наталья Долгорукая", поэма и *„Записки кн. Н. Б. Долгорукой".*

А. Кольцовъ. — Собраніе сочиненій.

А. Конанъ-Дойль. — Баскервильская собака.

И. Крыловъ. — Басни.

И. А. Крыловъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ.

Проф. Ш. Ланглуа. — Исторія инквизиціи.

Мабли. — Права и обязанности гражданина.

Е. Марлиттъ. — Тайна старой дѣвы. Романъ.

М. Лермонтовъ. — Собраніе сочиненій.

Ж. дю-Морье. —Трильби. Романъ.

В. А. Никольскій. — Владиміръ Святой. Ярославъ Мудрый. Владиміръ Мономахъ. Біографіи-характеристики.

Народныя движенія въ Россіи. II. Разиновщина.

У. Синклеръ. — Дебри. Романъ изъ жизни американскихъ рабочихъ.

Софоклъ. — Эдипъ-царь. Трагедія со статьей *проф. П. Кудрявцева.*

А. В. Суворовъ, его жизнь и дѣятельность. Біографическій очеркъ съ портретомъ.

Г. Тиссандье. — Мученики науки.

И. С. Тургеневъ, его жизнь и дѣятельность. Біографич. очеркъ съ портретомъ.

Д. Фонъ-Визинъ. — Недоросль. Текстъ комедіи и критическая литература (классное изданіе).

Г. Френсенъ. — Рукопись (Жизнь Христа).

Р. Хаггардъ. — Она. Фантастическій романъ.

Уставъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ Мир. Судьями.

ВСЕОБЩАЯ БИБЛІОТЕКА

1. Проф. Т. Грановскій. Четыре характеристики. 10 к.

2. А. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. 10 к., въ переплетѣ 30 к.

3. В. Гюго. Избранныя стихотворенія. 10 к.

4. В. Шекспиръ. Гамлетъ принцъ Датскій. 10 к., въ перепл. 30 к.

5, 6. М. Сервантесъ. Донъ-Кихотъ Ламанчскій. 20 к., въ перепл. 40 к.

7. Народныя движенія въ Россіи. I. Морозовщина. 10 к.

8, 9, 10. Р. Базенъ. Умирающая земля. 30 к.

11. В. Аловъ. „Русскіе еретики". 10 к.

12, 13. Д. де-Фо. Робинзонъ Крузо. 20 к., въ переплетѣ 40 к.

14. Проф. Кудрявцевъ. Римскія женщины. В. I. 10 к.

15. М. Метерлинкъ. Слѣпые. Внутри. Сестра Беатриса. 10 к.

16, 17, 18. Проф. А. Рамбо. Исторія французской революціи 1789-1799 г.г. 30 к.

19. А. Марлинскій. Наѣзды. 10 к.

20, 21. Е. Марлиттъ. Вторая жена. 20 к.

22. М. Загоскинъ. Кузьма Рощинъ. 10 к.

23, 23 а. А. Чирецкій. Патріархъ Никонъ. 20 к.

24, 25, 26. К. Байэ. Исторія искусствъ. 30 к., въ пер. 50 к.

27. А. Шнитцлеръ. Зеленый попугай. Подруга жизни. 10 к.

28, 29. Г. Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. 20 к., въ пер. 40 к.

30. Г. Флоберъ. Иродіада. Сказаніе о Юліанѣ Милостивомъ. 10 к.

31. П. Чайковскій. Либретто оперъ 10 к.

32, 33. В. Шекспиръ. Гамлетъ (съ примѣчаніями для постановки на сценѣ). 20 к.

34. Е. Мюнцъ. Рафаэль. Біографическій очеркъ. 10 к.

35. Ф. Шиллеръ. Избранныя стихотворенія. 10 к.

36. Н. Римскій-Корсаковъ. Либретто оперъ. 10 к.

37. Слово о полку Игоревѣ. (Классное изданіе). 10 к.

38. Народныя движенія въ Россіи. II. Разиновщина. 10 к.

39, 40. Ренэ Базенъ. Возрождающаяся земля. 20 к.

41. Э. Верхарнъ. Рембрандтъ. 10 к.

42. В. Шекспиръ. Макбетъ. 10 к., въ перепл. 30 к.

43. Проф. Кудрявцевъ. Римскія женщины. В. II. 10 к.

44. М. Реймонъ. Микель-Анджело. 10 к.

45. Ж. Ришпенъ. Первые шаги Цезаря Борджіа. 10 к.

46. Проф. Г. Сэайль. Ліонардо да Винчи. 10 к.

№№ 34, 44 и 46 въ одномъ переплетѣ 50 коп.

Тип. „Герольдъ", СПб., 7 рота, 26.